

ГЛАВА IV

Теоретические и археографические проблемы современной геральдики

§ 1. Теоретико-методологические основы геральдического знания на рубеже XX–XXI в.

Качественное изменение методологической ситуации в отечественной исторической науке, освобождение от диктата идеологического монизма, совершенствование методического инструментария в полной мере отразились на положении специальных исторических дисциплин. Оно оказалось двойственным. Дисциплины переживали глубокие внутренние изменения, выведившие их на новый этап развития, и, одновременно, заняли несопоставимое с прежним место в системе исторического знания, оказав глубокое воздействие на изучение прошлого.

Аналогичные процессы происходили также в научной геральдике. В конце XX – начале XXI в. она вступила в период всестороннего теоретико-методологического и структурного обновления.

Историографически многие процессы отражались опосредованно. Публикаций, посвященных анализу теории гербоведения, в количественном отношении оказалось немного, хотя по сравнению с советским периодом присутствовал их устойчивый рост.

Характерной чертой научной геральдики на рубеже XX–XXI в. было методологическое разнообразие и даже противоречивость. Отсутствие идеологического диктата, расширение проблемного поля, осмысленный поиск новых моделей исследования обусловили развитие тех оснований, которые на протяжении XX в. проявлялись стихийно и эпизодически. Обращение к досоветским и зарубежным принципам познания (применительно к последней особо следует отметить влияние французского геральдиста М. Пастуро)¹⁰⁸³

¹⁰⁸³ *Медведев М.Ю.* «Зима средневековья» в поздних девизах французских королей // СВ. – Т. 61. – М., 2000. – С. 203, 205, 206; *Он же.* Jusques à sa plentitude: геральдические девизы последних Валуа // Западноевропейская культура в рукописях и книгах Российской национальной библиотеки. – СПб., 2001. – С. 284–285;

способствовало усвоению соответствующих теоретических основ и методического инструментария. Уровень рецепции был различным: от поверхностного заимствования внешних форм и цитирования до глубокого проникновения в суть подхода, позволявшего синтезировать новое знание.

Постоянное методологическое основание отечественного гербоведения – позитивизм – в конце XX в. начало утрачивать значение универсального способа познания, вытесняясь культурологическим подходом. Его эволюцию в начале 1990-х гг. стимулировал не столько поиск новой методологии геральдического знания, сколько интерпретация гербов императорского периода как неотъемлемого, в значительной степени самостоятельного компонента национальной истории и культурного достояния, даже предмета «общенародной гордости»¹⁰⁸⁴. Однако очень быстро, в связи с признанием познавательной ценности гербов, этот тезис приобрел сугубо научный смысл. Утверждение культурологического статуса за геральдическим пространством требовало формулировки соответствующих принципов анализа. К настоящему времени культурологическое осмысление конкретной информации опробовано применительно ко всем разделам дисциплины – государственной, территориальной, родовой геральдике. Были получены ценные результаты, которые позволили раскрыть новые аспекты фактологии и достичь более глубокого понимания сущности явления. В трудах В.И. Новикова, Г.В. Ражнева¹⁰⁸⁵ с позиций культурологической методологии анализировался российский двуглавый орел, а в работах Е.В. Склизковой, Е.А. Яровой и других – территориальная и родовая геральдика Средневековья, в очерке А.А. Аксенова – герб Комсомольска-на-Амуре¹⁰⁸⁶.

Черных А.П. Белое – венчалное, черное – печальное, или необъятная геральдика // *Одиссей*, 2002. – М., 2002. – С. 354–364. – Рец. на кн.: *Pastoureau M.* Bleue: histoire d'une couleur. – Paris, 2000.

¹⁰⁸⁴ *Шумков А.А.* Родовая геральдика в современной России: ее понимание и отражение «Дворянским календарем» // *Совещание по вопросам личной (родовой) геральдики...* – С. 31.

¹⁰⁸⁵ *Новиков В.И.* Орел российский: культурные смыслы государственной геральдики // *Общественные науки и современность*. – 1997. – № 3. – С. 146–156; *Ражнев Г.В.* Государственный герб России: история и современность // *Военно-исторический журнал*. – 2001. – № 4. – С. 36–41.

¹⁰⁸⁶ *Яровая Е.А.* Геральдика генуэзского Крыма. – СПб., 2010; *Склизкова Е.В.* Геральдика в аристократических культурах Британии и России: автореф. дис. ... канд.

В исследованиях, посвященных конкретным сюжетам, могло иметься определенное информационно-методологическое противоречие: историки, как правило, не вполне представляли суть культурологического дискурса, и их приверженность соответствующей методологии в значительной степени декларативна, а культурологи недостаточно владели фактическим материалом, допускали грубые ошибки, терминологические неточности и смысловые искажения, невольно мифологизируя геральдическое пространство. Несмотря на эти недостатки, историография последних двух десятилетий демонстрирует познавательную преимуществом культурологической модели в отечественном гербоведении.

Ее распространение обусловило попытки проанализировать проблему на ином, более обобщенном уровне. В работах Е.В. Склизковой, Е.В. Груздова, С.В. Синеева¹⁰⁸⁷ заявлялось о познании культурологического смысла герба как такового или национальных геральдических пространств. В частности, Е.В. Склизкова защитила диссертацию, посвященную сравнению отечественной и английской геральдических систем¹⁰⁸⁸. Сама постановка проблемы представляется неожиданной, поскольку влияние английского опыта на русскую геральдику никогда не было ощутимым. Следовательно, речь шла о компаративном анализе практически изолированных традиций, что обеспечивало объективность выявления культурологических характеристик и закономерностей. Работа Е.В. Склизковой стала первым в отечественной историографии случаем защиты диссертационного исследования по геральдике на соискание степени в области не истории, а культурологии.

Однако значение работ Е.В. Склизковой снижено вторичностью содержания и схематичностью анализа. Некоторые из них фактически являлись пересказом лекций Ю.В. Арсеньева, тру-

культурологии. – М., 2000: Черных А.П. Геральдика в средневековом городе // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. – Т. 3. – М., 2000. – С. 214–222; Аксенов А.А. Герб Комсомольска-на-Амуре как отражение исторической и социокультурной специфики города // Гербовед. – 2006. – № 87. – С. 8–11.

¹⁰⁸⁷ Синеев С.В. Этические аспекты художественного творчества: Геральдика в истории мировой культуры // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук. – Ч. 3. – Новосибирск, 1996. – С. 22; Груздов Е.В. Геральдика в контексте семиотики и символики // Культурологические исследования в Сибири. – 2000. – № 1. – С. 44–53; Склизкова Е.В. Геральдика как феномен...

¹⁰⁸⁸ Склизкова Е.В. Геральдика в аристократических культурах...

дов английских авторов (G. Brault) и некоторых справочных изданий¹⁰⁸⁹. В предисловии к брошюре с многообещающим названием «Геральдика как феномен культуры» Е.В. Склизкова прямо признавала, что «основой для нее послужили исследования Ю.В. Арсеньева», а второй раздел «во многом основан на британских исследованиях и является реферативным переводом с английского»¹⁰⁹⁰. Что же касается аналитического компонента, то он свелся к тривиальным утверждениям, что геральдика – «культурнозначимый институт», имеющий отношение к диалогу культур и их преемственности, что гербы предназначены для идентификации на индивидуальном и групповом уровнях и передачи информации, «представляют собой новое, второе имя»¹⁰⁹¹. Обстоятельный и подробный анализ геральдики в культурологических категориях отсутствовал.

Другие авторы также изучали роль и место института герба в средневековой культуре, видя в нем одну из страт эмблематической среды, которая интерпретировалась как сложное социокультурное пространство, состоящее из совокупности взаимодействующих компонентов. В соответствии с таким тезисом, причиной упадка городской геральдики, например, считалось исчезновение «некоторых специфических условий функционирования, которым обязаны многие формы средневековой культуры»¹⁰⁹².

В культурологических изысканиях существенное значение приобрело положение о знаковости как фундаментальной характеристике геральдики. Оно было органически связано с дефинициями герба как знака. Следствием теоретической установки стало признание правомерности распространения методов исследования, используемых в семиотике, на гербоведение.

Интенсивность культурологического дискурса применительно к геральдике на рубеже XX–XXI в. изменялась. К настоящему времени сложилась ситуация, когда при недостаточной количественной частотности собственно культурологического изучения геральдики, во многих работах механически повторяется схоластиче-

¹⁰⁸⁹ Brault G. Early Blazon. Heraldic terminology in the XII and XIII centuries. – Oxford, 1972; Dictionary of heraldry. – London, 1997; Фоли Д. Энциклопедия знаков и символов. – 2-е изд., испр. и дораб. – М., 1997.

¹⁰⁹⁰ Склизкова Е.В. Геральдика как феномен... – С. 1.

¹⁰⁹¹ Там же. – С. 1, 6, 7.

¹⁰⁹² Черных А.П. Указ. соч. – С. 221.

ская, часто никак не связанная с конкретным содержанием и выводами, формула о культурологическом характере дисциплины.

Сформулированная еще в начале XX столетия концепция Ю.В. Арсеньевым в 1990-х гг. не только полностью восстановила методологические и познавательные позиции, но стала одним из наиболее перспективных направлений развития геральдики в России. Не исключена возможность ее интеграции с позитивизмом, при котором элементы подобной методологии могут синтезироваться в источниковедческое изучение гербов.

В контексте данной концепции сформировалось и активизировалось представление о геральдике как своеобразном феномене истории культуры. Пока оно остается не вполне самостоятельным, в значительной степени декларативным, отмечаются лишь отдельные характеристики явления. Е.В. Склизкова подчеркнула многогранность феномена геральдики и его значительное влияние на средневековое искусство¹⁰⁹³. Статус культурного феномена получила в историографии «воображаемая геральдика», под которой подразумевалась «совокупность гербов легендарных персонажей, а также гербов исторических лиц догеральдических времен»¹⁰⁹⁴. В рамках феноменологического подхода анализировал геральдику Г.И. Королев¹⁰⁹⁵. Однако сущность данного феномена не пояснялась, присутствуя как некая методологическая данность, хотя и высказывалась мысль, что уникальность явления состоит в специфической визуализации социально-культурных ценностей. Все это позволяет констатировать развитие в современном гербоведении элементов феноменологического подхода.

Современную культурологическую концепцию можно трактовать как дисциплинарное проявление качественных изменений в общих принципах познания прошлого, в частности, связать с распространением цивилизационного подхода. В современной историографии имеются прямые апелляции к цивилизационным моде-

¹⁰⁹³ Склизкова Е.В. Геральдика как феномен... – С. 7.

¹⁰⁹⁴ Черных А.П. Реальные проблемы воображаемой геральдики // Восточная Европа в древности и средневековье: Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. – М., 2002. – С. 240.

¹⁰⁹⁵ Королев Г.И. Аксиология и геральдика // Вспомогательные исторические дисциплины: специальные функции и гуманитарные перспективы. – М., 2001. – С. 129–131.

лям конкретных периодов¹⁰⁹⁶. При подобном понимании геральдика становится критерием культуры, свойственным определенной цивилизации.

На рубеже 1980-х – 1990-х гг. произошло отмирание марксистско-ленинских подходов к прошлому. Теория о классовой борьбе как универсальной причине всех явлений и процессов, идеологически ангажированные оценки не нашли применения в геральдическом исследовании, встречаясь только в редких статьях коммунистической прессы о российских государственных символах. Однако сохранилась тесно связанная с историческим материализмом идея о социальной сущности герба, которая продолжает бытовать в работах, посвященных территориальной и индивидуальной геральдике. Между современными идеями о социальных функциях гербов субъектов и муниципальных образований Российской Федерации и марксистско-ленинской методологией имеется самая непосредственная связь. Не вполне осознанно марксистские схемы присутствуют и при акцентировании политического статуса государственных символов и их триединства (герб, гимн, флаг).

Реже всего в методологическом пространстве современного гербоведения встречается структурализм. Возможно, это связано с отсутствием масштабных работ по упорядочению геральдического пространства и созданию эвристических систем. Такой подход используется в конкретных трудах об эмблематике тематически выделенных мини-пространств, что позволяет констатировать неразрывную связь подобной модели исследования со структурализмом. Как некое теоретическое основание он присутствует также при подсчетах использования отдельных эмблем в национальном герботворчестве.

А.Г. Цветков, придавая новое основание для теории Г.В. Вилинбахова о геральдике как мега-дисциплине, представил ее в качестве синтетической знаковой системы¹⁰⁹⁷. В его рассуждениях структурализм приобрел важное теоретическое значение. «Оформленность знаковой системы подтверждается ее структурностью, т. е. возможностью описания через установление связей и отношений

¹⁰⁹⁶ См.: Лавренов В.И. История Тверского края в гербах, эмблемах и символах XIV–XIX веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Тверь, 2000. – С. 26.

¹⁰⁹⁷ Цветков А.Г. О синтезе знаковых систем // Геральдика в прошлом... – С. 63–66.

между элементами»¹⁰⁹⁸, – указывал автор. Одновременно А.Г. Цветков определял характер взаимоотношений между ними как гомоморфный (уподобительный). В методологическом отношении этот тезис примечателен и показывает широкие возможности структурализма для гербоведения.

Весьма противоречивой стала в современной научной геральдике позитивистская методология познания, наиболее полно реализованная в источниковедческой парадигме. Статус гербов как источников, разумеется, никем не оспаривался и признавался даже в популярных работах. В.А. Лебедев, например, писал, что «государственный герб в специфической форме отражает историю России»¹⁰⁹⁹. Однако в методологическом отношении наблюдалась стагнация. Доминировала традиционная модель, предполагавшая выяснение триады «история владельца – иконография – семантика изображения». Она не исключала получения объективного, полноценного знания, основанного на тонких сопоставлениях и остроумных догадках, расширявших представления об истории русского герботворчества. Тем не менее, в условиях модернизации знания этого было недостаточно. Попытки усовершенствовать источниковедческий анализ оказались не вполне удачными. Так, Г.И. Королев выделил в семантике уездных гербов Владимирской губернии некий «экологический» субстрат¹¹⁰⁰. Он писал: «За муромскими гербовыми калачами и переславскими копчеными “сельдями” угадываются сопутствующие выпечке и копчению запахи, а также движения подвод с мукой и рыбой, то есть элементы воздействия человека на состояние воздуха и дорожной полосы земли»¹¹⁰¹. Подобные трактовки представляются надуманными, а выделенная информация в избытке содержится в других, более соответствующих экологической проблематике источниках.

Неоднозначным оказался процесс введения в научный оборот новых источников. В этой области достигнуты несомненные успехи, активно развивалась геральдическая археография. Появи-

¹⁰⁹⁸ Там же. – С. 65.

¹⁰⁹⁹ См.: *Лебедев В.А.* Державный орел России. – М., 1995. – С. 16.

¹¹⁰⁰ *Королев Г.И.* Историко-экологическое истолкование гербов Владимирской земли XVIII–начала XX вв. // *Рождественский сборник.* – Вып. 5. – Ковров, 1998. – С. 96–101.

¹¹⁰¹ Там же. – С. 97.

лись публикации таких видов источников, которые ранее полностью отсутствовали (документы о жизни и деятельности геральдистов, средневековые геральдические трактаты и т. д.). Расширилось тематическое пространство геральдики: в качестве источника изучались новые разновидности вещественных памятников, геральдическая поэзия и т. д. Впервые были выделены основные направления источниковедческого изучения гербовников¹¹⁰².

Выявлялись новые виды письменных источников, ранее никогда не использовавшиеся для геральдических исследований; в частности, анализировалась геральдическая информация в воспоминаниях русских эмигрантов и в делах XVIII – начала XX в. по внесению дворян в губернские родословные книги¹¹⁰³. Целенаправленным стал интерес к вещественным памятникам с изображениями гербов. Наряду с традиционными печатями и монетами, объектом исследования стали изделия из стекла и фарфора, мебель, предметы интерьера и т. д.¹¹⁰⁴. Значительный материал для анализа визуальной эволюции гербов давал анализ экслибрисов и суперэкслибрисов¹¹⁰⁵. Причем по-

¹¹⁰² Наумов О.Н. Печатные гербовники как источник... – С. 102–124.

¹¹⁰³ Наумов О.Н. Геральдика дворянства Московской губернии: новые источники // История Московского края. Проблемы, исследования, новые материалы. – Вып. 2. – М., 2008. – С. 133–146; *Он же*. Мемуары как геральдический источник: постановка проблемы // Гербоведение. – Т. 1. – М., 2011. – С. 13–23; Думин С.В. Уездные гербовники и первые дворянские родословные книги белорусско-литовских губерний конца XVIII – начала XIX в. // Гербовед. – 2002. – № 59. – С. 92–100.

¹¹⁰⁴ Юрова Е. Стол с бисерной вышивкой // Пинакотекa. – 1998. – № 4. – С. 97–99; Багдасарова И.Р. Фарфоровые гербы // Эрмитаж. – 2006. – № 3. – С. 9; Троицкая А. Русская геральдика и фарфор // Русский фарфор эпохи классицизма. Орнаментальный и цветочный декор. – М., 2007; Яровая Е.А. Геральдические загадки реликвий семьи Полетика // Гербоведение. – Т. 1. – М., 2011. – С. 109–113; Голованова М.П. Шпалера-панно с гербом графа П.К. Разумовского: опыт источниковедческого исследования // Там же. – С. 94–108 и др.

¹¹⁰⁵ Сахаров И.В. Геральдика в экслибрисе: Неутвержденные и малоизвестные личные и родовые гербы в российском книжном знаке (из собрания Российской национальной библиотеки). – СПб., 2002; *Он же*. Генеалогия в российских книжных знаках: Статья третья. Экслибрис Бориса Гавриловича Суханова-Подколзина (Из собрания Отдела эстампов РНБ) // Актуальные проблемы теории и истории библиофильства: материалы X Международной научной конференции. – СПб., 2005. – С. 95–110; Вилинбахов Г.В. О суперэкслибрисе С.Н. Троицкого // Известия Русского генеалогического общества. – Вып. 14. – СПб., 2004. – С. 22–25; Боленко К.Г. Кто такой «prince Michel Galitzin»? К вопросу о датировке книжных знаков // Про книги. – 2007. – № 2. – С. 138–141; Павлов С.Б., Яровая Е.А. Экслибрис

следним как геральдическим источникам были посвящены диссертация П.А. Дружинина и изданный им же каталог¹¹⁰⁶. Выявлялись новые хранилища, где находятся вещественные или письменные материалы о гербах¹¹⁰⁷.

Наряду с этим осмысление не приобрело целенаправленного характера, многие источники остались не исследованными, архивные и музейные материалы изучались недостаточно, эвристические труды практически отсутствовали. Источниковедческое пространство современного гербоведения неупорядоченно и информационно дискретно. Уровень конкретного источниковедческого наполнения не отвечает потребностям интенсификации и модернизации геральдического знания. Все это свидетельствовало о том, что позитивистская методология во многом исчерпала себя, а источниковедческая концепция нуждается в переосмыслении и совершенствовании.

Подобная ситуация в определенной степени закономерна, поскольку обусловлена общим состоянием отечественной исторической науки и источниковедения, для которых характерен кризис философских и методологических оснований. Причиной его, по справедливому замечанию И.Л. Беленького, стало то, что это «кризис знания, так и не ставшего наукой в ее идеальном, абсолютном понимании»¹¹⁰⁸. Однако кризис оснований нельзя отождествлять с кризисом самой исторической науки, сохраняющей способность к познанию прошлого и получению верифицированного знания.

как улика: владельческие знаки на каталоге Ю. Иверсена из библиотеки отдела нумизматики Государственного Эрмитажа // Семинар «Геральдика – вспомогательная историческая дисциплина»: заседание 20 февр. 2013 г. – СПб., [2013]. – С. 1–11 и др.

¹¹⁰⁶ Дружинин П.А. Русский геральдический суперэкслибрис. – М., 2003; Он же. Геральдический суперэкслибрис XVIII – начала XX века в российских книжных собраниях: источниковедческое исследование: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2009.

¹¹⁰⁷ Кошелев А.В. Формирование коллекции геральдики в Новосибирском областном краеведческом музее // Вспомогательные исторические дисциплины: специальные функции и гуманитарные перспективы. – М., 2001. – С. 142–145; Наумов О.Н. Неизвестные источники по истории геральдики в Архиве Российской академии наук.

¹¹⁰⁸ Беленький И.Л. Несколько замечаний к проблеме «кризис исторической науки» // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. – М., 2002. – С. 66.

Опыт современного гербоведения полностью подтверждает данный тезис. В условиях постмодернистского кризиса приобрел особую актуальность поиск новых методологических оснований, совершенствование методов исследования, что и происходило в геральдических исследованиях рубежа XX–XXI в., хотя, может быть, преимущественно интуитивно.

В современном гербоведении сохранилась совокупность методических приемов, выработанных в предшествующий период, но наметились статусные изменения в положении отдельных из них.

Первостепенное значение сохранили сравнительный и эволюционный методы, но содержание их стало иным. Интеграционные процессы обусловили более глубокое понимание смысла сопоставления визуальных рядов и способствовали стремлению связать иконографический анализ с проблемами достижения точности знания. Расширились представления о возможных объектах сравнения (не только внутри одной группы или страны, но и с широким кругом символов и эмблем в пределах общеевропейского и даже глобального пространства)¹¹⁰⁹. Последнее обстоятельство не всеми авторами понималось адекватно, что привело к появлению некорректных сопоставлений, носивших подчас курьезный характер¹¹¹⁰. Изменение границ сравнительного метода выразилось терминологически. Для его обозначения стало использоваться заимствованное из лингвистики понятие «компаративный»¹¹¹¹. Осмыслению его возможностей применительно к гербам посвятила специальную статью Е.И. Каменцева¹¹¹². Эволюция статуса сравнительного метода соответствовала с распространению подобной тематики, как в других специальных дисциплинах, так и в общеисторических исследованиях.

¹¹⁰⁹ Семенов С.И. Эзотерические элементы в латиноамериканской и советской геральдике. Сравнительный анализ // *Общественные науки и современность*. – 1996. – № 3. – С. 153–164.

¹¹¹⁰ Например, см.: Кучеренко Э.И. Древнеавилонские истоки русской геральдики // *Гербовед*. – 1998. – № 30. – С. 22–25.

¹¹¹¹ Другим терминологическим новшеством стало появление понятия «иконографический источник», означавший рисунок герба (*Уарзиати В.С.* Средневековый герб алан-осетин // *Осетия. XX век*. – Вып. 1. – Владикавказ, 1996. – С. 11).

¹¹¹² Каменцева Е.И. Некоторые аспекты применения компаративного метода в российской геральдике // *Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании*. – М., 1996. – С. 362–364.

Геральдический материал для типологического сопоставления феодальной государственности в России и в Западной Европе использовал С.М. Каштанов¹¹¹³. В его системе рассуждений особое значение имела хронология формирования конкретных уровней геральдического пространства. Последовательное сравнение гербов польских городов периода их принадлежности к Российской империи и современных продемонстрировало многочисленные совпадения знаковых систем двух стран¹¹¹⁴.

Важное познавательное значение сохранял эволюционный метод. Реконструкция иконографических изменений во времени позволяла не только представить модификацию первоначального рисунка, но и уловить оттенки смысла, более точно представив связь «автор-источник». Эволюционный метод применительно к группе гербов, обусловленных происхождением нескольких родов от одного родоначальника, позволял восстановить модификацию эмблем в контексте геральдизации русского дворянства¹¹¹⁵. Наиболее показательным опытом восстановления иконографических изменений стала книга В.А. Лебедева, в которой были собраны изображения (к сожалению, не аутентичные, а прорисованные) российского двуглавого орла с XV до начала XX в. Получилась панорама визуальной модификации, даже в иконографически неполноценном виде приобретающая идентифицирующее значение. Эту работу на глобальном уровне продолжили Г.В. Ражнев и Н.Г. Ранчугова. Они подготовили альбом с изображениями двуглавого орла (в том числе и на гербах) не только в России, но и в странах Востока и Запада¹¹¹⁷. Это первый в отечественной историографии опыт подобного рода, благодаря которому появляется возможность устанавливать генезис изображений и их взаимное влияние друг на друга.

¹¹¹³ Каштанов С.М. О типе Русского государства в XIV–XVI вв. // Чтения памяти В.Б. Кобрин «Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма». – М., 1992. – С. 89.

¹¹¹⁴ Мишин В.В. Сравнительный анализ территориальных гербов Царства Польского и их современных аналогов // Гербовед. – 2003. – № 62. – С. 44–124.

¹¹¹⁵ Хоруженко О.И. Гербы Пушкиных и их однородцев // Предки А.С. Пушкина. – М., 1999. – С. 66–75; Он же. Гербы потомства Патрикия Наримунтовича, князя Звенигородского // Русский родословец. – 2001. – № 1. – С. 25–36.

¹¹¹⁶ Лебедев В.А. Указ. соч. – С. 1–107.

¹¹¹⁷ Ражнев Г.В., Ранчугова Н.Г. Двуглавый орел в культуре России, Востока и Запада: социальные представления. – Смоленск, 2012.

Специфический статус приобрел в настоящее время метод гербовой экспертизы, воспринимавшийся в советской историографии едва ли не как основной. Он продолжал использоваться как методический прием при анализе конкретных гербов, составляя в отдельных случаях главную цель исследований. А.И. Чупашкина в статье о печатях Воронцовых прямо признавала, что ее задача заключается в определении «возникновения и точности трактовки герба как эмблемы преемственности дворянского рода; и по возможности, с точностью до 5-летия, определения времени изготовления печатей, а также конкретизация их принадлежности»¹¹¹⁸. Причем разрабатывались специфические методы атрибуции конкретных категорий источников, в частности книжных знаков¹¹¹⁹. В современной литературе описывалось много удачных гербовых экспертиз¹¹²⁰. Причем они касались не только отечественных, но и иностранных гербов¹¹²¹. Однако доля подобных исследований и в абсолютном, и в относительном отношении незначительна. Невостребованность связана не столько с ненужностью гербовой экспертизы, сколько с состоянием источниковой базы, не разработанностью справочно-информационных систем и квалификацией исследователей, многие из которых не обладают соответствующей подготовкой. С другой стороны, хотя за методом гербовой экспертизы однозначно призна-

¹¹¹⁸ Чупашкина А.И. Печати с гербом Воронцовых из собрания Владимиро-Суздальского музея-заповедника // Воронцовы – два века в истории России. – Владимир, 1992. – С. 167.

¹¹¹⁹ Деркач Н.Г. Гербовый русский книжный знак. Геральдика. Опыт описания // Про книги. – 2007. – № 1. – С. 111–125; Она же. Гербовый русский книжный знак. Геральдика. Проблемы атрибуции. Щит и щитодержатели. Часть 1 // Там же. – № 2. – С. 129–137.

¹¹²⁰ Космолинский П.Ф. Герб с дверцы кареты // Гербовед. – 1992. – № 2. – С. 52–57; Думин С.В. Загадка гербовой печати // Там же. – 2004. – № 73. – С. 4–9; Яровая Е.А. Геральдика на русском фарфоре. Послесловие // Семинар «Геральдика – вспомогательная историческая дисциплина»: заседание 10 ноября 2010 г. – СПб., [2010]. – С. 3–11; Она же. Масонские и геральдические печати из коллекции великого князя Николая Михайловича: опыт атрибуции // Гербоведение. – Т. 3. – М., 2013. – С. 53–59.

¹¹²¹ См., например, экспертизу миниатюры из оригинала Статута Ордена Святого Духа по правому желанию, в результате которой были не только атрибутированы изображенные на ней баннеры, но и установлена дата – 1352–1362 гг. (Стукалова Т.Ю. Опыт геральдического комментария к миниатюре XIV в. // Нумизматический сборник ГИМ. – Ч. 16. – М., 2003. – С. 100–108).

ется существенное место в методическом инструментарии гербоведения, фактически он оказался вытеснен из сферы активного использования. Его совершенствование часто подменялось апелляциями к опыту В.К. Лукомского 1920-х – 1930-х гг. или пересказом публикаций ученого. Таким образом, состояние гербовой экспертизы определяется более декларативными заявлениями, нежели непосредственным использованием на практике.

В научной геральдике рубежа XX–XXI в. произошло возрастание роли статистического метода, который применялся для достижения двух целей. Во-первых, для определения частотности бытования конкретных эмблем в заранее выделенном геральдическом пространстве. Выявление количественного соотношения эмблем позволяло, как минимум, объяснить логику составителей гербов, а в идеале – решить более обобщенные познавательные проблемы. При этом результаты статистических подсчетов часто выражались в табличной форме¹¹²². Другая цель более глубока в познавательном отношении. Цифровые параметры должны были подтвердить позиции авторов по частным проблемам. Так, с помощью подсчетов выданных дворянских дипломов уточнили функции Герольдмейстерской конторы в начале XVIII в.¹¹²³.

Проводились вычисления общего количества бытовавших в России гербов. К.Н. Курков определял число родовых, а А.В. Кудин и А.Л. Цеханович – территориальных гербов¹¹²⁴. Не касаясь точности и обоснованности этих построений, следует заметить, что они не только уточняли параметры геральдического пространства, но и определяли соотношение между его стратами, способствуя осмыслению специфики национального герботворчества. Аналогично можно оценивать количественные показатели, касавшиеся историографических и источниковедческих разделов научной геральдики¹¹²⁵.

¹¹²² Гулордава Д.А. Грузинская родовая геральдика // Гербовед. – 1998. – № 29. – С. 52; Хоруженко О.И. Гербы Пушкиных и их однородцев. – С. 67.

¹¹²³ Хоруженко О.И. О начале дворянской геральдики в России (гербы прибалтийских дворян) // Проблемы истории и культуры. – Ростов, 1993. – С. 81.

¹¹²⁴ Кудин А.В., Цеханович А.Л. Указ. соч. – Кн. 2. – С. 5; Курков К.Н. К вопросу об источниках по неутвержденным гермам российского дворянства // Гербовед. – 2001. – № 54. – С. 54.

¹¹²⁵ Наумов О.Н. Указ. соч.

Заметное место в современном дисциплинарном знании занимал традиционный герменевтический метод. В некоторых исследованиях истолкование герба являлось основной целью анализа. Метод стал широко использоваться в работах, посвященных зарубежному опыту и территориальной геральдике, преимущественно современной. Герменевтические моменты были постоянными при описании составляемых в Российской Федерации гербов республик, областей, городов и поселков. На основании архивных материалов из фонда В.К. Лукомского сделана сводка толкований более 100 гербов, внесенных в XX и XXI тома «Общего гербовника дворянских родов»¹¹²⁶.

Одновременно фиксировались случаи негативного отношения к объяснению смысла родовых эмблем, игнорирования герменевтического метода. Истолкование символики отсутствовало во многих работах не только о территориальной, но даже о родовой геральдике¹¹²⁷, для которой подобный элемент стал основополагающим еще с XIX в. Причины такой ситуации не сводились только к субъективному фактору. Недооценка герменевтического анализа была одной из методологических тенденций. В первых выпусках генеалогического справочника «Дворянский календарь»¹¹²⁸ при декларировании неотъемлемости геральдических сведений для понимания истории рода сознательно отказались от смысловых пояснений. По мнению одного из редакторов, «расшифровка и толкование гербовых символов не представляется целесообразной, поскольку в большинстве случаев они либо банальны, либо недостоверны и не поддаются научной проверке»¹¹²⁹. Это утверждение могло явиться обоснованным только в случае, если бы было сделано в результате полного и всестороннего изучения семантики родовой геральдики, но таких исследований в отечественном гербоведении нет. Фактическое отрицание целесообразности герменевтических экскурсов ничего общего не имеет с подлинным научным подходом и

¹¹²⁶ Борисов И.В. В.К. Лукомский. Неизвестные работы. – М., 2002. – С. 63–73.

¹¹²⁷ Например, см.: Грибанов Э.Д. Дворянский герб профессора Н.В. Склифосовского // Исторический вестник Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова. – Т. 1. – М., 1992. – С. 146–147; Он же. Дворянский герб рода Барсуковых // Там же. – Т. 11. – М., 2000. – С. 122–126.

¹¹²⁸ Дворянский календарь. – СПб.; М., 1996–2013. – Вып. 1–17.

¹¹²⁹ Там же. – Вып. 1. – СПб., 1996. – С. 8–9.

прямо ведет к гербоведческому агностицизму. Ошибочность позиции подтвердилась тем, что в самом «Дворянском календаре» появились объяснения гербов¹¹³⁰, что доказывало не только необходимость, но и неотъемлемость герменевтики как фундаментального компонента познания.

В 1990-х гг. геральдические процессы и явления получили объяснения в категориях учения об информации, произошло конституирование информационного метода. Его формирование началось в 1980-х гг. и генетически было связано с источниковедением. Теоретической основой метода стало представление о гербе как специфическом способе хранения и трансляции информации посредством визуальных образов. Стимулирующее влияние оказал также тезис о знаковости герба. К настоящему времени информационный метод присутствует во многих исследованиях, хотя не всегда адекватно отрефлексирован. Расширить его возможности попытался Г.И. Королев, который различал в гербе намеренную и ненамеренную информацию. Под последней он понимал сведения, отраженные независимо от осознанного желания составителя, а также «умолчания»¹¹³¹. Ненамеренной информации придавался источниковедческий статус, представление о ней соответствовало «негативной» критике письменных источников.

Методический инструментарий научной геральдики многообразен и позволяет получать объективное, истинное знание о прошлом. Существует возможность выбора и использования оптимальной совокупности методов, которая соответствует конкретно поставленной познавательной задаче. Произошли существенные изменения в структуре методического обеспечения и в статусе его элементов – одни приобрели первенствующее положение, другие оказались оттеснены на периферию. Эволюция методического инструментария выражала объективные потребности гербоведения. Однако подобные аспекты пока не стали, за редким исключением, предметом целенаправленного анализа, который присутствует лишь эпизодически, в контексте конкретных изысканий. Так, В.А. Лебедев предложил различать два подхода к изучению герба, неудачно обозначив их

¹¹³⁰ Например, получило объяснение использование элементов из герба князей Курякиных в гербе Чичериных (Там же. – Вып. 3. – СПб., 1997. – С. 86).

¹¹³¹ Королев Г.И. Аксиология и геральдика. – С. 130–131.

как геральдический и историко-геральдический¹¹³². Первый – «чисто утилитарный, анализирующий собственно герб, его структуру, эволюцию форм» (т. е. некое подобие иконографического и эволюционного методов). Второй предполагал исследование герба в «контексте исторического процесса». Такого толкования недостаточно для оценки методов, используемых в современной науке. Достижение четкого представления о методических основах составляет одну из наиболее актуальных задач в области теории российского гербоведения.

В конце 1990-х гг. было обозначено несколько фундаментальных познавательных проблем, касающихся геральдического знания. Основным стал вопрос о точности, часто понимаемой как критерий научности дисциплинарной информации. В современной историографии достижение точности построений связывается с полнотой и характером используемых источников, с объективностью их анализа. Обязательным компонентом исследования независимо от тематики является критический историографический обзор. Однако ни обращение к источникам, ни учет литературы, ни предпринимаемые в последнее время попытки уточнения понятийно-терминологического аппарата не определяют автоматически достижения точного знания. В лучшем случае они указывают на добросовестность автора. В современных условиях, когда историческая наука в целом и геральдика как неотъемлемая ее часть испытывают серьезный натиск непрофессионализма, а порой подвергаются сознательной фальсификации, проблема верифицированности получаемой информации приобретает онтологическое значение.

Точность геральдического знания как теоретическую проблему осмысливал Г.И. Королев¹¹³³. Он подчеркнул всеобщность данной проблемы, присутствующей на всех стадиях существования герба – от составления до археографической обработки. Вопрос разрешался как в позитивном, так и в негативном смысле. В первом случае он понимался как соответствие выбора средств символизации реалиям, адекватность художественного изображения избранным символам и т. д., во втором – анализировались возможные неточности: анахроничность изображения, неполнота описания, несоответствие действительности, неоднозначность понятийно-

¹¹³² Лебедев В.А. Указ. соч. – С. 15.

¹¹³³ Королев Г.И. Точность в исторической эмблематике... – С. 81–82.

терминологического аппарата (например, неопределенность самого термина «герб»). Негативная критика точности занимала в рассуждениях Г.И. Королева доминирующее место. Проблема обрела преимущественно источниковедческий смысл, а группа выявленных характеристик соответствовала источниковедческому исследованию. Перечень приемов достижения точности формулировался преимущественно на основе русских территориальных гербов XVIII–XIX вв., но методически был универсален и приемлем для других страт пространства.

Опыт герботворчества в современной России способствовал обмену мнениями об эталонировании гербов. Это имело существенное значение для практической геральдики и теснейшим образом соприкасалось со сферой права. Суть проблемы состояла в том, что официальные органы требовали в законодательных актах утверждать для современных гербов только описания, но отрицали необходимость иконографических образцов¹¹³⁴. Такая норма объявлялась «принципиальной», а отступления от нее – противоречащими «фундаментальным нормам геральдики», которые предусматривают художественную свободу воспроизведения. «Эталон герба является не рисунок [...], а геральдическое описание, запечатлевающее “формулу герба”»¹¹³⁵, – категорично писал Ю.К. Николаев. Подобная позиция не признавалась другими геральдистами. С ее развернутой критикой выступил И.С. Сметанников¹¹³⁶, который изложил аргументы, обосновывавшие необходимость правового закрепления рисунка. В их числе: 1) наличие иконографически схожих гербов, отличающихся мелкими деталями, что может привести к замене одного изображения другим при воспроизведении по описанию; 2) использование сложных фигур, восходящих к национальным узорам и орнаментам, которые крайне трудно выразить адекватно в вербальной форме; 3) возможность изображения герба в нетрадиционном художественном виде, когда «бездарность иного художника» можно будет оправдать «оригинальным стилем»; 4) тенденция к унификации гербов, в том числе в электронном виде,

¹¹³⁴ См.: Сметанников И.С. К вопросу об эталонировании гербов // Гербовед. – 1999. – № 36. – С. 110.

¹¹³⁵ Николаев Ю.К. Основы геральдики: Российская и пермская символика. – Пермь, 2002. – С. 9.

¹¹³⁶ Сметанников И.С. Указ. соч. – С. 109–112.

когда проблема индивидуального художественного стиля утрачивает смысл. Доводы И.С. Сметанникова выглядят обоснованными, а правота его позиции подтверждается практикой, при которой в юридических документах, несмотря на сопротивление государственных органов, продолжают присутствовать визуальные эталоны. Главный недостаток официальной позиции заключается в субъективности трактовок геральдических норм и в абстрагировании от реалий герботворчества, в котором традиционная совокупность фигур действительно дополнилась многими оригинальными, этническими эмблемами, иногда весьма сложными иконографически.

Теоретическое значение проблемы эталона определялось несколькими факторами: во-первых, она связана с достижением точности в художественном воплощении герба, во-вторых, является частным случаем осмысления онтологической антитезы геральдики «вербальная форма – визуальная форма». В последнем случае обсуждение необходимости эталона означает определение познавательных приоритетов. Официальная позиция требует признания первенства вербальной формы (описания), во всяком случае на правовом и государственном уровнях. Иное мнение основывается на единстве и равноправии обеих форм, по сути – на отстаивании экзистенциального дуализма герба. Не вдаваясь в детали, следует заметить, что на протяжении истории гербоведения трактовки данной проблемы были различными и менялись. В отечественной науке вопрос об эталоне целенаправленно не осмысливался.

Специфическим проявлением проблемы точности стало отмечавшееся в 1990-е гг. обращение к оттесненному после 1917 г. на периферию геральдического знания разделу формальных основ. Значение его резко, но вполне закономерно возросло. Из свойственного советскому периоду поверхностного, схоластического обзора он модифицировался в область специального анализа. Возрождавшемуся и набиравшему силу герботворчеству формальная геральдика была необходима для блазонирования многочисленных новых гербов, а гербоведение обращалось к ней как способу достижения точности при изучении конкретной информации, непосредственно связанной с источниковедческой критикой. Этот раздел в системе современного дисциплинарного знания занимает положение свое-

образной буферной зоны между научным осмыслением и практической потребностью, в которой синтезируются их интересы.

В 1990-е гг. был возобновлен нерешенный вопрос о модели блазонирования. Его обсуждение и по аргументации, и по национальным ориентациям напоминало полемику начала XX в. Как и ранее, предполагалось два пути: либо использовать иностранный опыт, либо следовать отечественным традициям. Однако реализация каждого из них отличалась от подходов, сформулированных до 1917 г. Апелляция к зарубежным правилам модифицировалась в требование учитывать «мировые достижения», хотя на практике под этим, конечно, понимались европейские традиции. Доминировала не французская или немецкая геральдика, а английская, вышедшая на первый план из-за активного социального бытования в настоящее время. Идея о создании национальных блазонных норм складывалась из двух схожих мнений, различие между которыми было преимущественно хронологическим. В одном случае в качестве образца выступали досоветские правила, зафиксированные в трудах В.К. Лукомского, Н.А. Типольта, А.Б. Лакиера, реже – Ю.В. Арсеньева, построения которого казались излишне усложненными. При таком подходе понятие «национальная традиция» весьма условно, поскольку фактически она представляла собой эклектическое сочетание немецких и французских элементов. С другой стороны, при исторической преемственности совокупность формальных основ сохраняла примитивное содержание. Некоторые авторы, реализуя идею о национальных традициях, апеллировали к древнерусской символике, стремясь выделить в ней в действительности не существовавший геральдический субстрат¹¹³⁷. На самом деле, их построения были исключительно субъективными и не имели ничего общего ни с историческими реалиями, ни с научным анализом, представляя собой одну из попыток геральдической мистификации.

К настоящему времени дискуссия о выборе формальной модели прекратилась. Потребности герботворчества обусловили достижение некоего консенсуса. Используемая на практике модель блазонирования по сути конвенциональна, употребление тех или иных формул и терминов обусловлено прагматическими соображе-

¹¹³⁷ *Силаев А.Г. Истоки русской геральдики. – М., 2002.*

ниями, хотя обращение к досоветскому опыту все-таки иногда присутствует.

Показателем нового места формальной геральдики в системе дисциплинарного знания стали публикации об отдельных фигурах, элементах и пропорциях герба¹¹³⁸. Анализ материала был в них специфическим. Цель одних авторов заключалась в демонстрации возможных иконографических вариантов фигур. В таких публикациях, соответственно, доминировал визуальный компонент, а текстуальная часть сводилась к терминологическому обозначению многочисленных рисунков. Другие авторы ориентировались на аналитику и, как правило, их работы носили оттенок дискуссионности. В числе подобных проблем можно отметить полемику о названиях цветов. В 1991–1992 гг. В.П. Егоров предложил использовать для этого названия камней (зеленый – изумруд, черный – диамант) или применявшиеся ранее обозначения (червлень вместо красного)¹¹³⁹, но его позицию не поддержали специалисты. Оппоненты отмечали, что даже в Средневековье названия драгоценных камней в геральдике не получили широкого распространения, неудобны («в изумруде золотой конь»), могут привести к искажению цветовой гаммы и не соответствуют логике дисциплинарной терминологии¹¹⁴⁰. Найти компромисс попытался Д.А. Бойко, напомнивший, что во французской геральдике использовались не только названия драгоценных камней, но и планет, благодаря чему имела иерархия цвета, обусловленная социально (в гербах принцев – Солнце, в гербах пэров – топаз, в гербах остальных дворян – золото и т. п.). Исходя из этого, он предложил ввести аналогичное разделение для русских гербов: названия небесных тел – для членов императорской фамилии, драгоценных камней – для древнего и титулованного дворянства, цветов – для остального дворянства и иных категорий гербов¹¹⁴¹. По-

¹¹³⁸ Стародубцев Н.Н. Размеры и пропорции щита // Гербовед. – 1993. – № 4. – С. 91–93; Он же. Острие // Там же. – 1996. – № 11. – С. 113; Он же. Сложные деления и их блазонирование // Там же. – 1997. – № 18. – С. 127–131; Он же. Столб // Там же. – № 20. – С. 123–128; Сметанников И.С. Клейноды в российской и зарубежной геральдике // Там же. – 2004. – № 74. – С. 72–81 и др.

¹¹³⁹ Герольдмейстер. – 1994. – № 1. – С. 4.

¹¹⁴⁰ Стародубцев Н.Н. Актуальные проблемы геральдической терминологии // Известия... – С. 15.

¹¹⁴¹ [Бойко Д.А.] От редакции // Там же... – С. 16–17.

скольку подобная идея была крайне необычной, на первых порах новые варианты планировалось использовать только при переводах «русских описаний на европейские языки». Предметом особого изучения стала черная финифть. Бельгийский геральдист русского происхождения Ю.В. Осташков предложил исключить ее из категории цветов и рассматривать как одну из разновидностей геральдического меха (соболей)¹¹⁴². Однако, как справедливо указывал оппонировавший ему Н.Н. Стародубцев, изменение традиционного восприятия «вряд ли возможно»¹¹⁴³.

Не менее острую полемику вызвало предложение того же Ю.В. Осташкова о дифференцированном подходе к идентификации некоторых фигур треугольной формы (острие, пирамида, клин) и о соответствующих терминологических обозначениях¹¹⁴⁴. Суть вопроса состояла в том, что трактовка в русской геральдике находилась под влиянием немецкой традиции, а Ю.В. Осташков предлагал заменить ее французской моделью, понятийно избыточной, особенно если учитывать, что в отечественном геральдическом пространстве подобная группа фигур встречается крайне редко, а некоторые разновидности просто отсутствуют. Закономерно, что предложение о прямой и необоснованной рецепции было раскритиковано и отвергнуто¹¹⁴⁵. Обсуждение проблемы продемонстрировало традиционалистическую ориентацию современного гербоведения при решении формальных проблем.

Более целесообразным казалось не кардинальное изменение сложившегося понятийно-терминологического аппарата, а его совершенствование и освобождение от мифов. А.С. Полищук уточнил значение термина ланец, который был интерпретирован И.В. Борисовым как хирургический нож, а на самом деле являлся разновидностью рыцарского копья¹¹⁴⁶. О.И. Хоруженко вслед за Ю.В. Арсе-

¹¹⁴² Осташков Ю.В. Третий мех // Гербовед. – 1999. – № 36. – С. 92–97.

¹¹⁴³ Стародубцев Н.Н. Малоизвестные страницы в геральдике // Гербовед. – 2000. – № 48. – С. 125.

¹¹⁴⁴ Осташков Ю.В. Острие в западноевропейской терминологии // Гербовед. – 1997. – № 24. – С. 138–145; Он же. Острие // Известия... – С. 3–10.

¹¹⁴⁵ Стародубцев Н.Н. Актуальные проблемы геральдической терминологии // Известия... – С. 11–16.

¹¹⁴⁶ Борисов И.В. Военная и морская тематика в русской дворянской геральдике // Гербовед. – 1996. – № 10. – С. 117; Полищук А.С. Что такое ланец? // Там же. – 1997. – № 22. – С. 4.

ньевым привел аргументы того, что общепринятые названия разновидностей гербовых щитов по национальной принадлежности (французский щит, английский щит и т. д.) ничего общего с реальными формами той или иной страны не имели, а придуманы в XVI–XVII вв.¹¹⁴⁷. Г.И. Королев связал обращение геральдических фигур в определенную сторону с «историческими прообразами в представлениях людей о значении правой и левой сторон и об иерархии образов в искусстве и словесности»¹¹⁴⁸. Именно путь постепенной эволюции и уточнения функционирующей формальной модели представляется предпочтительным и единственно возможным.

На рубеже XX–XXI в. предпринимались настойчивые попытки кодификации формального опыта. Для них характерно стремление к системности и однозначной инвариантности. Возможность изменчивости правил учитывалась редко. По цели создания обобщающие публикации можно разделить на три группы: сформулированные для учебных целей, разработанные для потребностей герботворчества и справочно-информационные.

Поскольку формальные правила являются дисциплинообразующими, идентифицирующими герб как сущность, сведения о них имеются во всех учебниках конца XX – начала XXI в.¹¹⁴⁹. Степень подробности такой информации различна: от кратких экскурсов, соответствующих советской модели квазиобучения, до подробных и обстоятельных изложений в форме самостоятельных пособий. В содержательном отношении они не претендуют на новаторство и представляют собой более или менее добросовестные компиляции. Хотя именно традиционалистически ориентированные учебники дают наиболее полное представление о понятийно-терминологическом аппарате и блазонировании.

Иначе обстоит дело со справочниками, предназначенными для составителей гербов. Большинство из них носят пропагандистско-рекламный характер. Даже посвященный формальной геральдике

¹¹⁴⁷ Хоруженко О.И. Об определении разновидностей щитов в геральдике // ВИД: высшая школа... – С. 147–148.

¹¹⁴⁸ Королев Г.И. О повороте гербовых фигур // Гербовед. – 2006. – № 90. – С. 78.

¹¹⁴⁹ Шаповалов В.А. Указ. соч. – С. 8–20; Леонтьева Г.А., Шорин П.А., Кобрин В.Б. Вспомогательные исторические дисциплины. – М., 2000. – С. 216–222; Неверов С.В., Чеков С.И. Геральдика: учебное пособие. – Барнаул, 2000–2006. – Ч. 1–2; Федюк В.П., Данилов А.Ю. Основы геральдики: учебное пособие. – Ярославль, 2001. – С. 14–40; Корников А.А. Указ соч. – С. 29–69.

номер альманаха «Герольдмейстер», где ставилась цель «в доходчивой форме» научить «правильно блазонировать гербы»¹¹⁵⁰, на самом деле пропагандировал авторское восприятие проблемы, утверждая, например, уже упоминаемые спорные наименования цветов. Опубликованные кодекс Русской геральдической коллегии и проект Военно-геральдического кодекса Вооруженных Сил Российской Федерации¹¹⁵¹ также были подчинены специфичным и локальным задачам. Например, стремление повысить информационные возможности герба и установить тесную связь с биографией владельца, привело к тому, что первый из кодексов регламентировал и наделял смыслом декоративные элементы (шейный медальон шлема, подвязка для медальона, подножие для щитодержателей и т. д.)¹¹⁵². Многие положения новых правил некорректны и противоречили традициям; например, предлагалось ввести «профессиональную корону», хотя геральдика связывает короны с дворянским достоинством. Не избежали субъективизма положения, которые формулировались официальными учреждениями¹¹⁵³. Таким образом, пособия по формальной геральдике не соответствуют сложившейся конвенциональной модели и направлены на ее изменение. Их научное значение локально, поскольку они полностью приемлемы только для анализа гербов, в соответствии с ними же составленных.

Особую форму осмысления национального опыта представляли работы о бытовании отдельных категорий эмблем в русских гербах¹¹⁵⁴. Такой анализ демонстрировал состав и частотность эмблем¹¹⁵⁵, благодаря чему выявлялась специфика приложения правил к исторической действительности и определялись реальные фор-

¹¹⁵⁰ Герольдмейстер. – 1994. – № 1. – С. 1.

¹¹⁵¹ Сметанников И.С. Кодекс Русской геральдической коллегии; *Он же*. Проект Военно-геральдического кодекса Вооруженных сил Российской Федерации // Там же. – 1997. – № 13. – С. 15–42.

¹¹⁵² Сметанников И.С. Кодекс Русской геральдической коллегии. – С. 125–126, 128.

¹¹⁵³ Медведев М.Ю. Территориальные и муниципальные гербы.

¹¹⁵⁴ Королев Г.И. Христианские религиозные и церковные символы в русских территориальных гербах XVII – начала XX вв. // Гербовед. – 2000. – № 39. – С. 91–96; *Он же*. Аграрная символика в русской геральдике XVIII – начала XX в. // Там же. – 2002. – № 55. – С. 8–12; *Он же*. Искусственные водные пути России в зеркале геральдики XVII–XIX вв. // Там же. – 2003. – № 66. – С. 31–34 и др.

¹¹⁵⁵ Частота эмблем могла привести к рекомендациям о более широком использовании конкретных фигур в современном герботворчестве. Так, Г.В. Ражнев предлагал чаще изображать в новых гербах христианских святых, см.: Ражнев Г.В. Устранить

мальные представления. С другой стороны, подобные изыскания оказались связанными с эвристическим направлением гербоведения, возобновление которого в настоящее время составляет одну из наиболее актуальных задач.

Третья группа публикаций появилась позже, чем предыдущие – в 2000-е гг. – и была представлена трудами, претендовавшими на обобщение формальных правил геральдики¹¹⁵⁶. Они повторяли, с большей или меньшей степенью подробности, информацию из зарубежных и отечественных справочников. Нового и оригинального в них было мало.

Для современной геральдики особое значение приобрела проблема адекватного и инвариантного соотношения определенного термина с конкретным изображением. Всесторонне определил подобные взаимосвязи Н.Н. Стародубцев, составивший первый и единственный в отечественной историографии терминологический словарь¹¹⁵⁷. Автор продолжил традицию поиска соответствий, сформированную еще А.Б. Лакиером и Ю.В. Арсеньевым. К каждому из терминов Н.Н. Стародубцев подобрал эквивалент из основных европейских языков. Несмотря на недостатки перевода и пропуски понятий¹¹⁵⁸, этот справочник стал рубежным событием в отечественном гербоведении, определив качественно иное состояние формальных основ и идентификации геральдических систем.

На рубеже XX–XXI в. было много сделано для совершенствования и пропаганды формальной геральдики, но это не исключало того, что даже в официальных описаниях гербов допускались ошибки и неточности (например, при воспроизведении и вербальной фиксации герба Вологодской области; в законе о гербе Кировской области неправильно именовался крест)¹¹⁵⁹.

перекося в геральдике (христианские святые покровители) // *Гербовед.* – 2004. – № 74. – С. 70–71.

¹¹⁵⁶ *Введенский Г.Э.* Азбука геральдики. – СПб., 2003; *Левандовский А.П.* В мире геральдики: Теория – история – сущность. – М., 2008; *Медведев М.Ю.* Геральдика, или Истинная наука о гербах. – М., 2008.

¹¹⁵⁷ *Стародубцев Н.Н.* Иллюстрированный словарь по геральдике. – Донецк, 1996.

¹¹⁵⁸ *Емельянов М.В., Калмакан И.К.* Теория геральдики развивается: О новом геральдическом издании // *Гербовед.* – 1997. – № 17. – С. 129–135.

¹¹⁵⁹ *Свириденко О.В.* Проблемы современной геральдики Вологодчины // *Гербовед.* – 2005. – № 84. – С. 148–153; *Дрогов Е.М.* Геральдические коллизии, или на Вятке свои порядки // Там же. – 2006. – № 89. – С. 104–115.

Несмотря на актуальность формальной геральдики, она не стала предметом всестороннего научного осмысления. Исключением оказалась только попытка проанализировать ее в историографическом контексте¹¹⁶⁰. Была доказана значительная изменчивость трактовок всех правил у различных авторов, определено соотношение бытовавших в России и европейских норм.

Фактор прагматической необходимости в развитии формальных аспектов дисциплины доминировал в 1990-е гг. Он определял существенную дискуссионность, поскольку аргументация не могла опереться на однозначно понимаемую, точную информацию. В ходе обсуждения иконографических правил сформировалось представление о существовании некоей модели, которая нуждается в модификации, но может изменяться только эволюционным, конвенциональным путем. Как и до 1917 г., формальная геральдика остается разделом дисциплины, наиболее прочно зависимым от зарубежного опыта, транслируемого визуально. Обсуждение модели герба составляло существенную часть процесса совершенствования понятийно-терминологического аппарата. В 2000-е гг., после упорядочения процесса герботворчества в Российской Федерации и составления гербов для большинства населенных пунктов, внимание к формальной геральдике значительно снизилось.

Заметное влияние на современную научную геральдику начали оказывать новые информационные технологии. Возможность использования компьютерной техники для проведения гербовой экспертизы отмечалось еще в начале 1980-х гг., но в настоящее время информационные технологии достигли новой стадии. В последние годы центральной прагматической проблемой оказался Интернет. Первая публикация об использовании всемирной компьютерной сети для геральдических исследований появилась в 1997 г.¹¹⁶¹. Поскольку на тот момент Россия существенно уступала в технологическом отношении многим странам, то работа была ориентирована на зарубежные реалии. По мере проникновения компьютера в отечественное гербоведение и создания соответствующих сайтов интерес сместился в сторону национального виртуального про-

¹¹⁶⁰ Наумов О.Н. Формальная геральдика в отечественной историографии...

¹¹⁶¹ Хмелевский А.Н. Геральдика во всемирной компьютерной сети INTERNET // Гербовед. – 1997. – № 18. – С. 137–150.

странства¹¹⁶². Для всех публикаций об Интернете характерен прагматизм и эмпиризм. Основное их содержание составляют описания геральдических сайтов, в которых преобладают сведения о содержании, но отсутствует критический анализ качества информации. Единственным познавательно значимым случаем стало использование информационно-оценочного критерия при систематизации сайтов на «наиболее популярные и интересно организованные» и посвященные национальным пространствам¹¹⁶³. Существование в гербоведении информационно-коммуникационной среды коренным образом изменило представления о фактологической основе, трансформируя источниковедческие аспекты дисциплины, совершенствуя создание и использование поисковых систем. Сейчас геральдика причисляется к «наиболее благополучным дисциплинам» в компьютерном отношении¹¹⁶⁴. По сути, произошла пока не от-рефлексируемая и не нашедшая историографического отображения качественная модификация познавательных основ дисциплины, которая потребовала дополнить сугубо техническими знаниями методический инструментарий и образовательную модель, обозначая еще один, ранее отсутствовавший интеграционный аспект. Точность геральдического знания определяется теперь не только теоретико-методическими основаниями и наличием источников, но и технологическими возможностями добывания и обработки информации, постепенно обретающими онтологический характер.

Проблема оценки и выявления информации сыграла существенную роль в обособлении еще одного направления теории гербоведения – осмысления гербов в категориях аксиологии, т. е. философского учения о ценностях. Г.И. Королев ввел понятие геральдической аксиологии¹¹⁶⁵ и определил ее две основные задачи – изуче-

¹¹⁶² *Сметанников И.С.* Компьютер на службе у геральдики // Геральдика в прошлом... – С. 52–56; *Он же.* Компьютер на службе у геральдики // Гербовед. – 2004. – № 75. – С. 147–154; *Ломанцов В.А.* Краткий обзор геральдики и флаговедения Рунета // Там же. – 2003. – № 64. – С. 60–69; *Емелин И.Б.* Российская рассылка по геральдике и флаговедению в сети Интернет // Там же. – 2004. – № 67. – С. 48–49.

¹¹⁶³ *Хмелевский А.Н.* Указ. соч. – С. 138.

¹¹⁶⁴ *Лохина Т.В.* Обзор и перспективы развития источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин в отечественных Интернет-проектах // Вспомогательные исторические дисциплины: специальные функции и гуманитарные перспективы. – М., 2001. – С. 30.

¹¹⁶⁵ *Королев Г.И.* Аксиология и геральдика. – С. 129–131.

ние неявной информации, содержащейся в гербах, и конституирование геральдики как системы ценностей. Проблемное поле дисциплины расширилось за счет изучения «традиций, тенденций, вкусов, стилистических веяний, особенностей отношения к геральдике [...] со стороны разных социальных групп». Аксиологический аспект распространялся и на геральдическое пространство, и на научные труды. Подчеркивалось, что категория ценности в дисциплине носит переменный, релятивистский характер и двойственна: стабильное начало синтезировано с изменчивыми элементами. Геральдическая аксиология органично сочеталась с культурологической концепцией благодаря методологическому единству. С другой стороны, она неразрывно связана с философским познанием, и ее появление, возможно, означает начало формирования соответствующего раздела в гербоведении.

Философский анализ геральдики продолжал Г.В. Ражнев¹¹⁶⁶. Он осмысливал «язык геральдики», понимая под ним не терминологию, а «широкое поле семантики» не только самих гербов, но и составляющих их фигур. Методологически анализ основывался на учении об общих принципах функционирования символа и его структурно-семантической характеристике. Основанием философии языка геральдики объявлялся «принцип всеобщей диалектической семантической геральдических фигур (образов)». Г.В. Ражнев детально разработал теоретическое понимание гербовой фигуры в соотношении с ее смыслом и пришел к выводу, что философия языка геральдики представляет собой сложную систему знаний о диалоге геральдических фигур и их смысла.

Создание новой знаковой системы в Российской Федерации, ожесточенная идеологическая борьба, которая сопровождала введение новых символов на общегосударственном и региональном уровнях, рост политического самосознания, формирование системы многопартийности и иные процессы привели к тому, что с середины 2000-х гг. все более четко обозначилась связь геральдики с политологией. Гербы, и прежде всего государственный, стал трактоваться как неотъемлемая часть политической культуры, как точка соприкосновения устремлений социума и интересов государ-

¹¹⁶⁶ Ражнев Г.В. Философия языка геральдики.

ства¹¹⁶⁷. Были защищены диссертации по современной геральдике России на соискание ученых степеней в сфере политологии.

В тот же период, в середине 2000-х гг., впервые в отечественном историческом знании обозначилась связь геральдики и социологии. Это стало следствием того большого интереса, которые вызывали гербы в различных слоях населения, различного к ним отношения, активного вторжения геральдической культуры в повседневную жизнь граждан. Связь двух гуманитарных дисциплин выражалась в проведении социологических опросов об отношении жителей страны в целом и отдельных регионов к новым государственным и территориальным гермам, а также в последующем их обобщении и анализе¹¹⁶⁸.

В тесной связи с социальным статусом геральдического знания и герботворческой практики находились попытки определить диалог дисциплины с психологией¹¹⁶⁹.

Выделение и анализ связей геральдики с философией, политологией и социологией, возрастание общественного статуса дисциплинарного знания воплотились во введении в середине 2000-х гг. комплексного понятия «геральдическая безопасность». В данном контексте политика государства в области герботворчества рассматривалась как фактор, «влияющий на формирование духовных ценностей современного российского общества»¹¹⁷⁰ и, таким образом,

¹¹⁶⁷ Склизкова Е.В. Герб как феномен политической культуры // *Логика метаисторического времени*. – М., 2004. – С. 52–71; Мисюров Д.А. Моделирование социально-политического взаимодействия на основе формирования государственной символики в Российской Федерации: состояние и перспективы. – М., 2004; *Он же*. Политика и символы России. – М., 2004; Шевченко Л.В. История становления государственной символики и ее роль в укреплении Российского государства в 1990-е годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Курск, 2004; Туник Г.А. Современная российская геральдика как фактор отражения социально-политической специфики Российского государства: историко-политологический анализ. – М., 2007; *Она же*. Современная российская геральдика в условиях политической модернизации. – М., 2008.

¹¹⁶⁸ Мнение жителей столицы о символике Москвы и России: аналитический отчет по итогам социологического исследования. – М., 2004; Бакланов П.А. Развитие символики в современной России (социологический анализ). – Новосибирск, 2007 и др.

¹¹⁶⁹ Чеботарев А. Некоторые проблемы психологических закономерностей восприятия символов и знаков // *Марс*. – 2005. – № 2. – С. 44–48.

¹¹⁷⁰ Соколова С.Н. Геральдическая безопасность России: введение к философско-методологическому анализу проблемы // *Гербовед*. – 2006. – № 87. – С. 96.

на национальную безопасность. Были даже выделены уровни геральдической безопасности: государства, государственных структур, субъектов федерации, Вооруженных Сил и ведомств, муниципальных образований, корпораций, общественных институтов, личности или рода.

По мере изучения геральдического пространства все более устойчиво поднимается вопрос о содержании понятия «история геральдики». Традиционное понимание сути процесса развития геральдической практики и герботворчества в значительной степени метафизично. Оно часто сводилось к описанию и пересказу правовых актов, деятельности геральдических учреждений и отдельных лиц, составлению гербовников и т. д. В границах такого подхода оказывалось невозможным изучить историю конкретных гербов, что, впрочем, представлялось излишним, а если и происходило, то иллюстративно. Информационное пространство становилось дискретным, логически разорванным, упускались существенные детали, общее представление искажалось. Изучение конкретных гербов не могло полностью исправить ситуации, поскольку подобных исследований не настолько много, чтобы они достигли объема, переводящего количественные изменения в качественные. Анализ оставался на уровне случайной выборки объектов. Большинство конкретно-геральдических исследований методологически несовершенны, преследовали сугубо позитивистские цели и не содержали серьезных обобщений. Таким образом, в геральдическом познании существуют макро и микроуровни, пока еще недостаточно взаимодействующие друг с другом. Эту ситуацию можно рассматривать как частное, дисциплинарное проявление номотетического и идиографического подходов к историческому знанию.

Если ранее доминировал идиографический подход, когда в центре познания находились конкретные гербы или их совокупности, то с конца 1990-х гг. все более активную роль играет номотетический, типизирующий подход, предопределивший интерес к раскрытию причинно-следственных связей, осмыслению эволюционных процессов. На его основе сформировалось стремление к постижению истории герботворчества как особой системы, за многочисленными исключениями и противоречиями которой обнаруживается четкое обоснование.

Познавательная двойственность проявляется в проблемном поле дисциплины различно. Менее всего она выражена в государственной геральдике, поскольку в этом разделе отсутствует микроуровень, но его роль отчасти выполняют многочисленные изображения на конкретных памятниках. В значительной степени присутствие двух страт характерно для родовой геральдики, о которой в отечественной историографии до сих пор отсутствует всестороннее монографическое исследование. Именно в данном субстрате проблема выяснения реальной действительности обрела особенную актуальность. В ходе конкретных изысканий выяснились несоответствие практики герботворчества и формальной модели родового герба, противоречивость, субъективизм и эклектичность. Однако в самих нарушениях просматривалась устойчивая системность. Она позволила сформулировать универсальный постулат, который может выступать некоей теоретической установкой – «живая геральдика сложна той сложностью, которую в нее привносит жизнь»¹¹⁷¹. Такое понимание по-новому поставило проблему идентификации национального герботворчества. Мнению некоторых, хотя и малочисленных исследователей о том, что неоднозначность русской геральдики есть отражение ее ущербности по сравнению с системами других стран, противостоит точка зрения, трактовавшая ту же черту в позитивном ключе, как выражение своеобразия и, следовательно, полноценности национального опыта, развивавшегося, адекватно реагирующего на конкретные ситуации, «живого», а не только официально насаждаемого.

В современной геральдической мысли получали подтверждение представление о сопоставимости и типологической тождественности русского и европейского опыта, их равноправии и, следовательно, теоретико-методологическом единстве в глобальном масштабе. Дальнейшая модификация российского гербоведения должна основываться на диалектическом, пропорциональном синтезе исследований микро и макроуровней, монографического и идиографического подходов, что полностью соотносится с общей ситуацией в познании прошлого.

В современной научной геральдике получил распространение прием, известный еще до 1917 г., когда для анализа выделя-

¹¹⁷¹ Шумков А.А. Указ. соч. – С. 31.

лась группа гербов, обусловленная каким-либо критерием, например – происхождением нескольких семей от одного родоначальника. В настоящее время он распространен на территориальную геральдику, причем как отечественную, так и зарубежную¹¹⁷². В.Г. Бурков рассматривает символику скандинавских государств как некое эмблематическое единство, обусловленное историческими и культурными факторами¹¹⁷³.

Наряду с внутренними процессами в 1990-х гг. происходили активные внешние изменения, по-новому определяющие место геральдики в системе общегуманитарного знания. Суть их состояла в оторефлексируемом, многообразном использовании методического инструментария и информации из других разделов науки, вследствие чего формировались пограничные проблемно-методические пространства, в которых взаимодействие проявлялось наиболее значимо. Модернизация коснулась диалога со многими дисциплинами, в том числе с традиционно близкими нумизматикой и сфрагистикой. Сугубо нумизматический метод поштемпельного анализа, удачно использованный В.В. Уздениковым¹¹⁷⁴, позволил на качественно новом уровне осмыслить визуальные модификации двуглавого орла. Впервые изучались геральдические аспекты в бонистике дисциплине, исследующей бумажные деньги и ценные бумаги¹¹⁷⁵. Эпиграфические данные использовались для подкрепления гипотезы об авторстве матрицы печати 1497 г.¹¹⁷⁶. Комплексный эпиграфическо-геральдический анализ плиты, найденной в Судакской крепости, дал возможность уточнить список консулов гену-

¹¹⁷² Наумов О.Н. Гербы Калужской губернии в контексте территориальной геральдики России // Калуга в шести веках. – Калуга, 2000. – С. 3–13; Королев Г.И. Историко-экологическое истолкование гербов Владимирской земли...

¹¹⁷³ Бурков В.Г. К истории скандинавской группы государственных эмблем и символов // Скандинавские чтения 2000 г. – СПб., 2002. – С. 162–171; Он же. К истории скандинавской группы государственных эмблем и символов // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. – СПб., 2002. – С. 186–189.

¹¹⁷⁴ Уздеников В.В. Геральдическое оформление российских монет 1700–1917 гг. – М., 1998.

¹¹⁷⁵ Перекалин Ю.В. Разновидности гербов РСФСР и СССР на денежных знаках // Гербовед. – 1999. – № 37. – С. 58–60.

¹¹⁷⁶ Соболева Н.А. Первая русская общегосударственная печать – памятник прикладного искусства XV в. // Шестая Всероссийская нумизматическая конференция. – СПб., 1998. – С. 133.

эзской Солдаи и некоторые аспекты политической жизни Генуи в XV в.¹¹⁷⁷. Специфика изображения гербов на знаках отличия анализировалась в фалеристических работах. Геральдический компонент ведомственных наград современной России стал темой специального совещания, проведенного в апреле 1999 г. В его материалах отмечалось, что распространение государственной символики на знаках отличия подобного типа связано с тем, что «двуглавый орел оказался для этой цели весьма подходящей геральдической фигурой»¹¹⁷⁸. Широко привлекались сведения о гербах в вексиллологических работах М.П. Головановой, Г.В. Вилинбахова и др. Они способствовали источниковедческому анализу памятников, в частности государственных знамен России XVIII–XIX вв.¹¹⁷⁹. Более тонким и всеобъемлющим, чем в советский период, стало понимание роли гербоведения при изучении политической, социальной, экономической и культурной истории, а также истории науки и памятников искусства.

Археологические памятники привлекал для изучения геральдических проблем В.И. Кулаков¹¹⁸⁰. Интеграция археологических и гербоведческих методов исследования позволяла получить верифицированную и ценную информацию для обеих дисциплин.

Общественный интерес к гербам обусловил рефлексию связей с некоторыми разделами коллекционирования – филокартией¹¹⁸¹ и, особенно, с собиранием значков. В последнем случае сформировалось даже соответствующее направление, для обеспечения запросов которого было подготовлено несколько обстоятельных катало-

¹¹⁷⁷ Климанов Л.Г. Новооткрытый памятник крымско-генуэзской эпиграфики в свете общественной и политической жизни Генуи первой трети XV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. – Т. 27. – СПб., 2000. – С. 303–330.

¹¹⁷⁸ Корнаков П.К. Опыт и проблемы создания эмблем-геральдических знаков министерств и ведомств Российской Федерации // Геральдическое обеспечение... – С. 6.

¹¹⁷⁹ Голованова М.П. Российское государственное знамя 1742 г. – регалия власти и памятник геральдики // Вспомогательные исторические дисциплины: специальные функции и гуманитарные перспективы. – М., 2001. – С. 157–159.

¹¹⁸⁰ Кулаков В.И. Вороны викингов и орлы Империи // Четвертая Всероссийская нумизматическая конференция. – М., 1996. – С. 54–57; Он же. Иконография геральдических орлов Германии и Пруссии // Марс. – 1997. – № 1. – С. 9–25.

¹¹⁸¹ Курков К.Н. Герб в альбоме (геральдика и филократия) // Гербовед. – 2000. – № 49. – С. 111–117.

гов¹¹⁸². Для геральдики подобное взаимодействие полезно в историко-геральдическом плане, в качестве одного из способов расширения фактологической основы.

Особой сферой интеграции стало взаимодействие геральдики и юридической науки. Специфический статус этого диалога определялся комплексным характером общего проблемного поля, сочетавшего интересы герботворчества, гербоведения и правовой фундамент. Связь научной геральдики с юриспруденцией в советский период недооценивалась. В современной ситуации диалог стимулировало создание новых государственных, территориальных и корпоративных гербов, традиционно регулируемых и контролируемых государством. Это потребовало уточнения их правового статуса, поэтому большинство публикаций геральдико-правового направления касались проблем, возникающих в современной практике¹¹⁸³: комментирование законов, обсуждение предлагаемых проектов (например, федерального закона о территориальной геральдике),

¹¹⁸² *Кривошапка А.И., Богатов К.М., Сметанников И.С.* Алфавитный каталог городов, посадов, поселков, сел, губерний и областей России и Советского Союза, имеющих старые и современные гербы. – Донецк, 1990; *Кривошапка А.И., Марков В.Л., Богатов К.М., Сметанников И.С.* Алфавитный каталог городов, поселков, сел, губерний и областей России, СНГ, бывших союзных республик СССР, имеющих старые и современные гербы // *Гербовед.* – 1993. – № 3. – С. 5–71; *Кривошапка А.И., Марков В.Л.* Алфавитный каталог городов, поселков, сел, губерний и областей России, СНГ, бывших союзных республик СССР, имеющих старые и современные гербы. – СПб., 1999 и др.

¹¹⁸³ *Карташов И.М.* Правовое регулирование территориальной геральдики России: перспективы и проблемы // *Геральдика в прошлом...* – С. 26–27; *О московской городской символике: Закон гор. Москвы от 20 янв. 1999 г. № 3: Комментарий.* – М., 1999; *Ефимов И.В.* Геральдико-правовая регламентация в Республике Марий Эл // *Вестник Марий Эл.* – 1999. – № 2. – С. 28–31; *Мальцев И.В.* Правовые вопросы установления, использования и защиты официальной символики // *Право: новые подходы в творчестве молодых ученых.* – Барнаул, 2000. – С. 54–61; *Он же.* Правовые аспекты использования официальной символики в коммерческих целях // *Экономика. Бизнес. Информационные технологии.* – Барнаул, 2001. – С. 273–276; *Он же.* Становление нормативно-правовой базы в области официальной символики в Российской Федерации // *Правовое регулирование российского общества.* – Барнаул, 2001. – С. 86–105; *Он же.* К вопросу о правовом регулировании официальной символики в Российской Федерации // *Гербовед.* – 2002. – № 57. – С. 64–79; *Он же.* Нормативно-правовые акты Российской Федерации, посвященные официальной символике (1991–2004 гг.) // *Там же.* – 2005. – № 84. – С. 125–136; *Тунник Г.А.* Правовые основы современной российской геральдики. – М., 2008.

обобщение опыта создания нормативно-правовой базы в отдельных регионах, необходимости лицензировать использование официальных символов. Благодаря комплексному геральдико-правовому анализу к настоящему времени определены нерешенные задачи правового обеспечения российской геральдики, что создает основу для дальнейшего развития данной сферы. Особое распространение подобные изыскания получили со второй половины 1990-х гг. Значительную роль в совершенствовании геральдико-правовой сферы сыграли труды юристов И.М. Карташева и И.В. Мальцева, поскольку историки, обращавшиеся к данным проблемам, не владеют достаточным уровнем профессиональной правовой подготовки.

Современное герботворчество получило подробную правовую оценку. Юридический компонент присутствовал во многих конкретных исследованиях, став постоянным в тех из них, которые касались составления и использования государственной, территориальной и ведомственной символики. С другой стороны, в юридических работах осмысливались специфические геральдические аспекты, касавшиеся, например, формальных основ и герменевтики символов. Это позволяет констатировать высокий уровень интеграции. В историографии отмечена связь актов о создании, утверждении и использовании гербов с конституционным правом, что означает, по обоснованному мнению И.В. Мальцева, возможность причисления герба, флага и гимна к категории теоретических признаков государства¹¹⁸⁴. Определено три вида общественных отношений, нуждающихся в правовом регулировании: установление, использование и защита символики.

На рубеже XX–XXI в. определялось правовое содержание государственных, территориальных и корпоративных символов, была поставлена, но в силу объективных причин, пока не разрешена проблема государственного регулирования индивидуальных гербов. Актуальность правовых аспектов современной ситуации оттеснила на второй план историко-правовые проблемы, которые были представлены, в основном, источниковедческой характеристикой актов, вошедших в «Полное собрание законов Российской империи»¹¹⁸⁵. В

¹¹⁸⁴ Мальцев И.В. Правовые вопросы установления... – С. 55.

¹¹⁸⁵ Переходенко К.В. «Полное собрание законов Российской империи» как источник изучения геральдики // Гербовед. – 2000. – № 43. – С. 87–91; *Он же*. Об инфор-

2000-е гг. правовые проблемы осмысливались в региональном контексте. Общие нормы соотносились с геральдической ситуацией в конкретных субъектах Российской Федерации¹¹⁸⁶. Предложения о восстановлении личных гербов в России также требовало правового осмысления¹¹⁸⁷. Возникла также возможность использовать гораздо более разработанный юридический опыт зарубежных стран. В частности, И.В. Мальцев описал правовые аспекты использования территориальных гербов частными лицами после их незначительной модификации¹¹⁸⁸.

Интеграционные процессы геральдики и права имели фундаментальные структурные последствия. Политематичность исследований и рост количества нормативно-правовых актов способствовали формированию геральдического права, под которым мы подразумеваем область взаимодействия двух дисциплин, имеющих самостоятельный статус. Она в равной степени принадлежит обеим сферам, являясь и разделом гербоведения, и институтом конституционного права. Формирование отечественного геральдического права тождественно процессам, происходящим в других странах в период массовой геральдизации, и, следовательно, типологически закономерно.

Междисциплинарный диалог геральдики не во всех случаях развивался органически и отражал реальные познавательные процессы. Предпринималась попытка наметить интеграционную область гербоведения с исторической экологией¹¹⁸⁹. Однако подобное

мативных возможностях заголовка законодательного акта при изучении земельной геральдики // Там же. – 2001. – № 54. – С. 93–98.

¹¹⁸⁶ Аксенов А.А. Проблема легитимности и законодательного оформления символики Хабаровского края // Дальний Восток: наука, образование. XXI век. – Т. 1. – Комсомольск-на-Амуре, 2003. – С. 413–423; Неверов С.В. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и официальная символика Алтайского края // Сохранение и изучение культурно-исторического наследия Алтайского края. – Барнаул, 2006. – С. 18–21.

¹¹⁸⁷ Гагарин А.П., Карамышев О.М. Защита дворянского родового имени и гербов и современное российское законодательство // Союз дворян. – 2007. – № 101. – С. 29–30.

¹¹⁸⁸ Мальцев И.В. Модификация земельных гербов в Федеративной Республике Германии // Гербоведение. – Т. 1. – М., 2011. – С. 65–73.

¹¹⁸⁹ Королев Г.И. Историко-экологическое истолкование гербов Владимирской земли...; Лавренов В.И. Экологические символы в земельной геральдике России и Европы // Региональные тенденции взаимодействия человека и природы в процессе перехода от аграрного к индустриальному обществу. – Тверь, 2003. – С. 49–53.

построение выглядит в значительной мере искусственным и не подкрепляется источниками.

Более обоснованной и доказанной являлась связь с исторической географией, сведения из которой могут быть использованы для установления гербовладельца и идентификации эмблем щита. Удачный пример подобного анализа продемонстрировал Г.И. Королев при изучении герба города Оленска, долгое время ошибочно соотносимого с Верхоленском, а на самом деле оказавшегося Вилуйском¹¹⁹⁰.

Междисциплинарность познавательного процесса имела теоретические и стратификационные последствия. Специальному анализу подверглась связь геральдики с единственной дисциплиной – фалеристикой¹¹⁹¹. Были выявлены конкретные уровни подобного диалога, и они могут быть экстраполированы на другие дисциплины, поскольку определяют основной механизм интеграции геральдического знания в целом. В.В. Уздеников предложил использовать новое понятие – российская монетная геральдика XVIII – начала XX в. и наметил круг ее познавательной компетенции¹¹⁹². В.И. Кулаков указал на формирование нового направления (не вполне удачно названного им методологическим) – археологического комментирования материалов по государственной геральдике и символам власти¹¹⁹³. Не вполне соглашаясь с хронологическими и тематическими ограничениями (впрочем, В.В. Уздеников вскоре сам отказался от констант времени и писал о российской монетной геральдике)¹¹⁹⁴, следует заметить, что в подобных предложениях отразилась необходимость понятийного обозначения пространств междисциплинарного взаимодействия, а это свидетельствует о значительном развитии подобных процессов, обретении ими фундаментального качества познавательной тенденции.

¹¹⁹⁰ Королев Г.И. Историческая география и геральдика: Оленск и его герб // Гербовед. – 2004. – № 74. – С. 41–49.

¹¹⁹¹ Наумов О.Н. Геральдика и фалеристика // Первые Андреевские чтения. – СПб., 2000. – С. 14–16.

¹¹⁹² Уздеников В.В. Российская монетная геральдика // Четвертая Всероссийская нумизматическая конференция. – М., 1996. – С. 108–109.

¹¹⁹³ Кулаков В.И. Указ. соч. – С. 54.

¹¹⁹⁴ Уздеников В.В. Геральдическое оформление российских монет... – С. 56.

Методологической основой интеграционных процессов независимо от конкретной реализации выступало источниковедение, через категории которого осуществляется диалог. Благодаря развитой сфере взаимодействия гербоведение органически вписалось в систему современного гуманитарного знания и приобрело новый, глобальный смысл.

Показательным аспектом теоретико-методологического положения современной научной геральдики является состояние учебной литературы. С одной стороны, содержание отдельных пособий тяготеет к консерватизму, к аккумуляции накопленной информации и понятийно-терминологических традиций. С другой – разрыв между неким инвариантным ядром и достижениями современной дисциплинарной мысли не может быть слишком значительным, поскольку в противном случае учебник устаревает еще до выхода в свет. В 1990-е гг. произошло резкое увеличение количества учебно-методических изданий. По нашим подсчетам, начиная с 1994 г. за 10 лет появилось более 40 изданий, либо полностью посвященных геральдике, либо включающих соответствующий раздел. Количество это превышает фонд пособий, имевшихся на русском языке до того. Первоначально разделы о гербах вошли в общие учебники по специальным историческим дисциплинам, с 1996 г. началась публикация самостоятельных пособий, число которых возросло в XXI в. Одновременно после 2000 г. стали редкостью геральдические разделы в изданиях комплексного профиля, не позволявшие излагать материал с требуемой степенью подробности. Изменилась тематическая ситуация, активно появлялись пособия, посвященные отдельным разделам дисциплин, но оказалось мало универсальных изданий, которые охватывали бы геральдику в целом или хотя бы в пределах отечественного пространства. Развитие регионального герботворчества и краеведческих исследований обусловило подготовку учебников о местных гербах¹¹⁹⁵. В учебной литературе нашло отражение изменение государственных символов

¹¹⁹⁵ *Кандауров И.И., Стрелова О.Ю.* Указ. соч.; История и современность Курского края: региональное учебное пособие. – Курск, 1998. – С. 686–697; *Шмундяк В.Я., Торопцев А.П., Фролов А.С.* Герб и флаг Москвы: методическое пособие. – М., 2005; *Корников А.А.* Геральдика Ивановского края: учебное пособие. – Иваново, 2010.

Российской Федерации¹¹⁹⁶. Активизация научного анализа обусловила публикацию пособия, раскрывающего историю отечественного гербоведения¹¹⁹⁷. Необходимость идентификации национального опыта и недостаток информации о состоянии зарубежной геральдики компенсировались серией изданий В.Г. Буркова¹¹⁹⁸, имеющих наряду с учебным неоспоримое справочное значение, отмеченное рецензентами¹¹⁹⁹. Компаративный подход к дисциплине отразился в пособиях, где одновременно рассматривалась зарубежная и российская государственная символика, причем иногда даже в сочетании с региональной знаковой системой¹²⁰⁰.

Большинство учебно-методических публикаций ориентировано на студентов-историков, но повышение образовательного статуса геральдики, признание необходимости информации о гербах для гуманитариев в целом и, в минимальном объеме, для всего населения привели к появлению соответствующих разделов в пособиях, предназначенных для культурологов, офицеров и дипломатов, а также для школьников всех возрастов¹²⁰¹. От последних, в соответствии с официальной программой пропаганды государственной символики, требовалось знание истории и смысла герба России. Та-

¹¹⁹⁶ Бурков В.Г. Государственные эмблемы и символы России и республик Российской Федерации: учебное пособие. – СПб., 2002; Соболева Н.А. Российская государственная символика: история и современность: учебное пособие. – М., 2002 и др.

¹¹⁹⁷ Наумов О.Н. Геральдическая историография России: учебное пособие. – М., 2001.

¹¹⁹⁸ Бурков В.Г. Государственные эмблемы и символы стран Содружества Независимых Государств и Балтии: учебное пособие. – СПб., 1998; *Он же*. Государственные эмблемы и символы стран Западной Европы: учебное пособие. – СПб., 1998; *Он же*. Государственные эмблемы и символы стран Восточной Европы: учебное пособие. – СПб., 1999; *Он же*. Государственные эмблемы и символы стран Северной и Центральной Америки: учебное пособие. – СПб., 2000.

¹¹⁹⁹ Наумов О.Н. [Рецензия] // Новая и новейшая история. – 2000. – № 1. – С. 240–241.

¹²⁰⁰ Тен Ю.П. Символы России и зарубежных государств. – Ростов н/Д, 2008.

¹²⁰¹ Саплина Е.В., Саплин А.И. Путешествие в историю: экспериментальный курс для гимназий. – М., 1994. – С. 45–53; *Они же*. Путешествие в историю: экспериментальный курс для гимназий. – М., 1995. – С. 51–61; Петрова Н.Г. Введение в историю: рабочая тетрадь для учащихся 5 кл.: методическое пособие для преподавателей. – М., 1994. – С. 30–33, 78–81; *Она же*. Введение в историю: кн. для чтения для учащихся 5 кл. – М., 1998. – С. 94–117; Князева М.Л. Твой герб и псевдоним: рабочая тетрадь для 5–9 кл. – М., 1997; Федонин А.Р. История. Знакомство продолжается. – Донецк, 1999. – С. 59–98; Мартышин В.С. Твоя родословная: учебное пособие. – М., 2000. – С. 184–195.

ким образом, современная учебная литература состоит из многочисленных категорий изданий, отсутствовавших раньше.

В конце 1990-х гг. началось формирование новой образовательной модели. Не все пособия способствовали этому процессу. Некоторые из них написаны на низком методическом уровне, полностью компилятивны, содержат множество фактических ошибок и серьезные содержательные лакуны¹²⁰². Например, Л.В. Беловинский не посчитал необходимым дать даже определение основополагающему понятию герб, а В.А. Шаповалов не упомянул о существовании в России научной геральдики¹²⁰³. В отдельных пособиях проявились в полной мере субъективизм и амбициозные устремления авторов, когда вместо общепринятых норм излагалась личная позиция, не получившая признания науки¹²⁰⁴. Визуальный ряд в таких пособиях мог состоять из собственных рисунков автора чрезвычайно низкого художественного качества, хотя было бы гораздо полезнее ознакомить студентов с образцами подлинного геральдического искусства.

Большинство пособий ориентировалось на традиционную модель изложения материала. В третьем переиздании учебника по специальным историческим дисциплинам Г.А. Леонтьевой, П.А. Шорина, В.Б. Кобрин¹²⁰⁵ текст раздела по геральдике скорректирован в оценочном и фактологическом отношениях, дополнен новыми данными, исправлены неточности и изменены акценты, но качественных методических модификаций в нем не произошло.

Стремление к систематическому, всестороннему, исследовательскому, логически обусловленному, источниковедчески и методически полноценному изложению информации присуще пособиям В.Г. Буркова, Н.А. Соболевой, А.А. Корникова¹²⁰⁶. Эти учебники адек-

¹²⁰² Подробнее см.: *Наумов О.Н.* Новые учебные пособия по специальным историческим дисциплинам // *Отечественная история*. – 2003. – № 1. – С. 194–197.

¹²⁰³ *Беловинский Л.В.* Вспомогательные исторические дисциплины: учебно-справочное пособие. – М., 2000. – С. 6–17; *Шаповалов В.А.* Указ. соч.

¹²⁰⁴ *Специальные исторические дисциплины*. – 2-е изд. – С. 398–455, 577–599.

¹²⁰⁵ *Леонтьева Г.А., Шорин П.А., Кобрин В.Б.* Вспомогательные исторические дисциплины: учебник. – М., 2000. – С. 213–246.

¹²⁰⁶ *Бурков В.Г.* Государственные эмблемы и символы России...; *Корников А.А.* Основы российской геральдики: курс лекций. – Иваново, 2001. – Ч. 1; *Он же.* Основы российской геральдики: курс лекций. – Иваново, 2004; *Соболева Н.А.* Российская государственная символика...

ватно отражают состояние современной научной геральдики. Дисциплина представлена в них как актуальное, развивающееся знание и значимое общественное явление, что достигается через постоянное обращение к текущим событиям и новейшей историографии.

Модификацию современной образовательной модели нельзя сводить исключительно к содержательным изменениям. Сформировался специфический уровень литературы, состоящий из учебных программ, методических пособий, пособий для учителей, вспомогательных иконографическо-текстуальных материалов и т. д.¹²⁰⁷. В 2000-х гг. разрабатывались новые методики преподавания геральдики для школьников, были изданы поурочные разработки, планы классных часов, сценарии интеллектуальных игр, викторин, литературно-музыкальных вечеров и бесед¹²⁰⁸. Ежегодно проводятся всероссийские конкурсы среди школьников на знание истории российской государственной символики, а лучшие работы публикуются в сборниках¹²⁰⁹. В этой разнообразной литературе не-

¹²⁰⁷ Государственные символы Российской Федерации: методические рекомендации в помощь учителям и воспитателям образовательных учреждений / сост. Л.В. Блудова. – Курган, 1996; Сборник методических рекомендаций по учебным курсам кафедры истории России КГУ. – Курган, 1997. – С. 71–73; Наумов О.Н. Вспомогательные исторические дисциплины: программа курса. – М., 1999. – С. 16–17, 31–34; Леонтьева Г.А. Палеография, хронология, археография, геральдика: учебное пособие. – М., 2000; Герб, флаг и гимн России: изучение государственных символов Российской Федерации в школе: методические рекомендации. – М., 2003; Ривина Е.К. Государственная символика России: Беседы в начальной школе. – М., 2006; Символы России: сборник информационно-методических материалов. – Рязань, 2007; Гамаль Е.В. Герб, флаг и гимн России: методические рекомендации для учителей средних классов и специалистов по воспитательной работе в школе. – Ростов н/Д, 2007; 2-е изд. – Ростов н/Д, 2008.

¹²⁰⁸ Бухтиярова А.Н. Государственные символы России: сценарий беседы-игры // «Овеянные славою флаг наш и герб». – М., 2003. – С. 57–67; Слатина М.Н. Узнаю тебя, Россия!: программа литературно-музыкальной гостиной для старшеклассников и учащихся профессиональных училищ // Там же. – С. 75–86; Ещенко И.Н., Гребнева М.В., Тихонова Т.А. Интеллектуальная игра с элементами театрализации по теме «Овеянные славою герб наш и флаг» // Там же. – С. 87–96; Кудряшева Л.А. Символы России: викторина для старшеклассников // Там же. – С. 96–105; Локтева Е.Н., Боева Л.А. История государственной символики России: классный час // Там же. – С. 105–123; Воротилова С.В. Из методической копилки «лото-головоломки» // Гербовед. – 2003. – № 64. – С. 17–19; Серов Б.Н. Поурочные разработки по курсу «Государственная символика» Гимн. Герб. Флаг. – М., 2005.

¹²⁰⁹ «Овеянные славою флаг наш и герб»: сборник работ лауреатов Всероссийского творческого конкурса, посвященного истории государственной символики Рос-

двусмысленно обозначился новый подход к обучению, ориентированный не только на трансляцию суммы конкретной информации, но и на развитие самостоятельности обучения. В определенном смысле это продолжение традиции, заложенной Ю.В. Арсеньевым, Н.П. Чулковым и В.К. Лукомским, основной смысл которой заключается в становлении подлинного профессионализма.

В модели образования наметился комплекс требований, определяющих содержание обучения геральдике, главной характеристикой которого стало стремление к альтернативности. При изложении частных вопросов, не получивших однозначного толкования, в учебных пособиях перечислялись все точки зрения. Право их выбора оставалось за студентом.

Наряду с информационной компетентностью и теоретико-методической подготовкой под обучением геральдике стали подразумевать детальное ознакомление с формальными правилами, умение блазонировать герб независимо от его сложности, критическое отношение к составленному ранее описанию и коррекция его в случае необходимости, точное представление о понятийно-терминологическом аппарате, способность извлекать из рисунка социокультурную информацию и объективно ее оценивать, умение самостоятельно составлять герб, владение иностранными языками для ознакомления с зарубежной литературой, без которой нельзя получить о дисциплине адекватного представления. Предположенная модель двойственна, и, будучи основанной на строго научном знании, ориентирована на нужды практического гербоведения. Постулировалось единство и взаимообусловленность познавательного и прагматического компонентов. Ценность модели состояла в том, что в ней окончательно преодолен квазиучебный характер, свойственный советскому образованию. Условность и минимализация обучения сменились возможностями альтернативного выбора пособия и реальной выработкой профессиональных навыков.

К концу 2000-х гг. формирование системы учебно-методических пособий по геральдике завершилось. Обучение различных категорий учащихся как дисциплине в целом и различным ее темати-

сийской Федерации. – М., 2003; Сборник работ победителей межрегионального конкурса на лучшее знание государственной символики России среди обучающихся в образовательных учреждениях. – [М., 2006].

ческим разделам было обеспечено широким кругом пособий, что привело к снижению частоты их публикаций.

Развитие геральдического образования стало предметом для всестороннего осмысления. Обучение дисциплине начиная с младшей школы и до высших учебных заведений, как в виде специальных курсов, так и в рамках обязательных предметов оказалось одной из основных тем для обсуждения на конференции «Символы России: история и современность», которая состоялась осенью 2006 г. в Рязани¹²¹⁰. Предметом анализа могли стать также и конкретные курсы или занятия геральдикой во внеурочное время¹²¹¹. При этом постоянно констатировался большой интерес учащихся к знаковому пространству, их стремление популяризировать символику, разрабатывать новые гербы.

В современной научной геральдике проблема профессионализма приобрела не только традиционный образовательный аспект. Появились работы, которые беспочвенно претендовали на пересмотр традиционных теоретико-методологических основ геральдического знания, на принципиально новую интерпретацию фактов. Геральдические реалии могли рассматриваться с позиций эзотерики, астрологии и других лженаук¹²¹². Подобные опусы, как правило, не претендовали на научность. Более агрессивная и потому опасная позиция присуща публикациям, которые, выдвигая самые абсурдные гипотезы, самоидентифицировались как познавательно полноценные. К их числу принадлежали «изыскания» Э.И. Кучеренко, отыскивавшего «исторические корни» русской геральдики в Древнем Вавилоне, и А.Г. Силаева, стремившегося доказать автохтонный

¹²¹⁰ Символы России: история и современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Рязань, 2007.

¹²¹¹ Васильев А.Л. Преподавание спецкурса «Государственная символика» на юридическом факультете Новгородского государственного университета // Гербовед. – 2004. – № 67. – С. 30–37; Александрова Н.А. Геральдика и символика в исследовательском творчестве учащихся // Гербоведение. – Т. 1. – М., 2011. – С. 24–43.

¹²¹² Торок М. Фатальная связь пути геральдического всадника и России // Альфа и омега. – 1992. – № 1. – С. 1–2. Автор данного опуса писал, например, что «Неведомая Сила, заставляющая менять направление геральдического [московского. О.Н.] Всадника связана с черным кристаллом» и что московский всадник «скачет за Солнцем, подчиняясь законам Космического развития» (Там же. – С. 1–2. Орфография автора). Появился даже термин «провидческая геральдика» (Пророчества российского орла // Армия. – 1992. – № 21/22. – С. 66).

характер отечественных гербов и существование геральдики уже в Древней Руси¹²¹³. Столь же невежественны и компилятивны построения А.А. Щелокова, издавшего книгу под громким названием «Занимательная геральдика». Кроме содержательной неполноценности это сочинение отличается еще и «красотами» литературного стиля. Вот, например, как начинается автор раздел о запутанной проблеме происхождения российского двуглавого орла: «Откуда залетел этот черный неуклюжий двуглавый орел на герб России? Ответ на вопрос для знающих историю не столь уж и сложен»¹²¹⁴. Далее сообщаются совершенно фантастические сведения о появлении двуглавого орла в 326 г. в Римской империи.

Последовательной попыткой антиисторического толкования геральдических источников стали труды Г.В. Носовского и А.Т. Фоменко. Они интегрировали гербы в структуру создаваемого ими грандиозного по абсурдности и степени мистификации мифа о государстве «Русь-Орда». Анализ изображений в полной мере продемонстрировал ненаучные методы работы этих фальсификаторов – брать достоверные данные и давать им глубоко ошибочные, ложные толкования. Не касаясь всех многочисленных подтасовок Г.В. Носовского и А.Т. Фоменко, относящихся к государственной и территориальной символике¹²¹⁵, можно отметить, что в качестве одного из «доказательств» существования вымышленного государства указывалось на использование в городских гербах полумесяца и креста. Эти эмблемы действительно были широко распространены, но выражали совершенно иные исторические реалии. Авторов антиисторических построений нисколько не смущал тот факт, что подобные символы оказались в гербах, составленных в конце XVIII–XIX в., хотя сама «Русь-Орда» якобы существовала ранее. Подобные псевдонаучные труды придают большую актуальность развитию теоретических и методических основ современной исторической науки,

¹²¹³ Кучеренко Э.И. Происхождение двуглавого орла по нумизматическим данным // Гербовед. – 1996. – № 10. – С. 44–45; Он же. Откуда происходит русский гербовый двуглавый орел // Там же. – 1997. – № 19. – С. 118–120; Силаев А.Г. Указ. соч.; Мельников Л., Кучеренко Э. Русский орел с античным профилем // Родина. – 2002. – № 7. – С. 28–30.

¹²¹⁴ Щелоков А.А. Увлекательная геральдика. Факты, легенды, открытия в мире гербов и наград. – М., 2006. – С. 55.

¹²¹⁵ Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Новая хронология Руси, Англии и Рима. – М., 2001. – С. 509–543.

в контексте которых имеет определенное значение и геральдика как строго научное и точное знание.

Основное содержание происходившего на рубеже XX–XXI в. теоретико-методологического совершенствования сводилось к идее об историчности геральдического знания. Высказывалась справедливая мысль о необходимости повышения науковедческого статуса дисциплины, утратившей исключительно вспомогательный характер. Наряду с другими дисциплинами, традиционной объединяемыми в комплекс специальных, гербоведение предлагалось идентифицировать как раздел исторической науки¹²¹⁶. К сожалению, пока эта верная идея не получила того признания, которое она заслужила. Ее перспективность и глубокое методологическое значение будут, как надеюсь, оценены в дальнейшем, по мере эволюции дисциплины.

Наравне с тезисом о самоценном характере геральдики продолжают бытовать классификационные представления о ее месте в системе специальных исторических дисциплин, выдвинутые ранее. По одному из наиболее распространенных вариантов она относилась к группе дисциплин, изучающих какую-либо разновидность источников, в данном случае – гербы¹²¹⁷. Более совершенной являлась классификация, предложенная на рубеже советской и современной историографических эпох – в 1990 г. выдающимся и тонким знатоком источниковедения С.М. Каштановым, который наравне с уже имевшимися двумя группами выделил еще одну – дисциплины, изучающие на основе источников круг вопросов, связанных единством предмета¹²¹⁸. Однако место геральдики и в таком случае оставалось вариативным. Такая неопределенность, с одной стороны, отражала внутренние источниковедческие изменения, произошедшие в гербоведении конца XX – начала XXI в., а с другой – служила дополнительным доводом в пользу позиции, требовавшей классифицировать гербоведение в контексте всей исторической науки, либо, как предполагала Е.И. Каменцева¹²¹⁹, в зависимости от субъективных задач, решаемых исследователем в конкретном случае.

¹²¹⁶ *Соболева Н.А., Аксенов А.И.* Указ. соч.

¹²¹⁷ *Каменцева Е.И.* Вспомогательные исторические дисциплины в современном мире: проблемы классификации, исследования, историографии, преподавания // ВИД: высшая школа... – С. 7.

¹²¹⁸ *Каштанов С.М.* К вопросу о классификации...

¹²¹⁹ *Каменцева Е.И.* Указ. соч. – С. 8.

Рубеж II и III тысячелетий оказался плодотворным периодом для теоретических и методологических изысканий в сфере научной геральдики. Впервые в России эта область знания приобрела самостоятельный и отрефлексированный характер. Стали появляться хотя и не слишком многочисленные, но вполне целенаправленные работы, посвященные анализу общих проблем дисциплины. В итоге началось формирование подлинной теоретической геральдики в адекватном значении термина, а не как обозначение раздела, изучающего формальные аспекты герботворчества.

В теоретическом отношении современное гербоведение является полиметодологической, разнообразной по методам работы с источниками, тяготеющей к интеграции с широким кругом отраслей истории, активно дискуссионной, ориентированной на цивилизационный подход сферой знания, все более явственно приобретающей фундаментальный, общегуманитарный статус. Определен основной комплекс теоретических проблем, включающий способы достижения точности и адекватной реальности полноты исследования, системности и верифицированности понятийно-терминологического аппарата, определения оптимальной правовой, формальной и образовательной моделей, через которые может осуществляться научное воздействие на герботворчество. Большую актуальность приобрела борьба с антиисторизмом и фальсификацией исторической действительности. Теоретико-методологическая эволюция научной геральдики соответствовала процессам, происходившим в российской исторической науке – поиску новых парадигм, попыткам преодолеть кризисные явления, определению новых проблемных полей и методов достижения объективного знания и т. п.

Положение теории геральдики как нового раздела дисциплины дуалистично: она одновременно является и результатом конкретных исследований, и оказывает на них стимулирующее влияние, способствуя методическому совершенствованию и достижению точного знания. В таком контексте формирование этого раздела стало вполне закономерным и необходимым; его можно расценивать как элемент интенсификации отечественного геральдического знания в целом.